

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

ЦЕЛИТЕЛЬ

Двойная игра

ВАЛЕРИЙ
БОЛЬШАКОВ

Героическая фантастика

Валерий Большаков

Целитель. Двойная игра

«Махров»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Большаков В. П.

Целитель. Двойная игра / В. П. Большаков — «Махров»,
2020 — (Героическая фантастика)

ISBN 978-5-04-111998-0

Продолжение популярного цикла, начатого романами «Целитель. Спасти СССР!» и «Целитель. Союз нерушимый?». Михаил Гирин, по собственному желанию очутившийся в «эпохе застоя», ведет двойную жизнь – открытую для всех и тайную. Примерный школьник Миша учится в 9-м классе, ходит на субботники и занимается техническим творчеством, а вечером спасает своих и убивает врагов, шлет шифровки в КГБ, рассказывая о том, что будет, о тех, кто предаст и кто останется верным Советскому Союзу до конца. За Мишей Гириным идут по пятам КГБ, «Моссад» и ЦРУ, но ему пока что удастся уйти от погонь, скрываясь под разными личинами. Но у противников железная хватка, а Михаил оставляет «следы» – исцеленных им людей. Правда, Гирину удалось вылечить самого Суслова, но станет ли «тезка» надежным союзником?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-111998-0

© Большаков В. П., 2020
© Махров, 2020

Содержание

Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	25
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Валерий Большаков

Целитель. Двойная игра

© Большаков В., 2020

© ООО «Издательство «Яуза», 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

ВАЛЕРИЙ БОЛЬШАКОВ

ЦЕЛИТЕЛЬ

Двойная игра

МОСКВА
2020

ЯУА

Пролог

Среда, 9 апреля 1975 года, день

Москва, Кремль

Ночь стояла тёплая, радуя истинной весной, а с утра погода, точно избалованная женщина, раскапризничалась. Небо надулось, вспухло промозглыми тучами, и поплыла ясная даль жалобной акварелью, будто растворяясь в серой, мглистой измороси.

«Переменная облачность, – вспомнил Брежнев прогноз по «Времени», – местами слабые осадки...»

Тихонечко, словно крадучись, он приблизился к закапанному окну. Над мокрой зелёной крышей Арсенала укалывала провисшую хмарь Троицкая башня, выше всех задирая рубиновую звезду. «Книжки» на проспекте Калинина, смазанные сыростью, почти не «читались», а мидовская высотка мерещилась грязно-синей шпилястой тенью.

Леонид Ильич вздохнул – не горестно, не тяжко, а с радостной облегчённостью. Жуткие эшафотные ночи, тошная и мутная дневная пелена, в которой бредёшь из крайних сил, а вырваться не можешь, как в дурном сне, – всё это схлынуло прочь. Словно мыльная пена с плеч долой, лишь окатишь их из банной шайки. А тут и стакана хватило...

Генеральный секретарь ЦК КПСС не удержал в себе развернувшееся, ищущее выхода ликование и коротко просмеялся. Ах, какое же это счастье – ничего не ощущать! Лишь молодой и здоровый парубок не ведаёт, что у него есть сердце или сосуды... Но когда тебе под семьдесят, каждая болячка ноет, давит, нащёптывая будто: *Memento mori*!

Генсек фыркнул смешливо, припомнив, как его бесил Суслов ещё на прошлой неделе... Да, за день до охоты, в четверг – Политбюро как раз сбросилось позаседать. Все, главное, усталые, скучные, так и ждут усыпляющего воркованья про великие победы да свершенья, надеются, что ничего-то им не поручат, не прикажут исполнить и доложить, а Михаил Андреич их правдой наотмашь, по брыластым сусалам! Ещё и руки потирает, будто в азарте – ах? что за проблемка образовалась! Ух? как мы её сейчас!..

Да-а... Пока сам не глотнул «живой воды», не разумел, отчего «человек в футляре», как тишком прозывают Суслова, вдруг покинул свою незримую тару.

– Э-эх! – крикнул Брежнев, звонко хлопая в крепкие ладоши.

Не приседая за огромный стол, он щёлкнул пальцем по знаменитым «рогатым часам», вписанным в блестящий штурвальчик. «Партия – наш рулевой! – усмехнулся Генеральный. – Как там Костя вчера выдал?... Пароход... Нет, корабль СССР!»

«Ага! – развеселился Леонид Ильич. – Двадцать пять капитанов вцепились в колесо с ручками, и ты ещё попробуй их убеди рулить дружно! К-коллегиальное руководство, мать вашу... – Он посерьёзnel, и лишь слабая, едва намеченная улыбочка, то озорная, то ехидная, сминала губы. – А не пора ли тебе, Лёня, на повышение идти? М-м?»

Брежнев нервно-зябко помял руки, словно умывая. Блудливая, опасная мысль навевалась к нему с выходных, вкрадчиво стучась в сознание, искушая и маня.

«Командир корабля нужен в единственном числе, иначе толку не будет, – дрогнул генсек, уступив. – Пусть даже с комиссаром за плечами, но один! Один вождь...»

Клацнул замок, и в дверь заглянул Цуканов¹, изгоняя думку-соблазнительницу.

– Леонид Ильич, – прошепел негромкий голос, – к вам товарищ Пельше. Говорит, что вызывали.

– Да-да, пусть заходит! – суетливо отозвался хозяин кабинета, двигая тяжёлыми бровями, как будто разминая лоб.

Сухонький председатель КПК² не вошёл, а проскользнул, юркнул маленькой серенькой мышкой.

– Прошу, Арвид Янович, прошу... – по-барски зарокотал голос Генерального. – Заходи, не стесняйся!

Узкое костистое лицо придавало Пельше образ фанатичного инквизитора, не знающего жалости к врагам церкви, но сейчас оно выражало опасливое удивление.

Леонид Ильич внимательно посмотрел в глаза напротив, светлые и холодные.

– Вы... в курсе операции «Ностромо», – веско начал он, унимая в душе откровенно детское упоенье здоровьем. – Насколько продвинулись чекисты в поисках предиктора?

– Судя по докладам Николая Ефимовича³, нинасколько, – покачал лысой головой председатель КПК. В его речи скорей угадывался, чем слышался прибалтийский акцент. – И я бы не ждал особых успехов в течение полугода. Товарищ Андропов правильно ставит задачу – найти, но не спугнуть!

– Согласен, – выразительно кивнул Брежнев. – Вот что... Я не сомневаюсь в Юриной преданности, но... Короче говоря, нужно самим выйти на предиктора, и чем быстрее, тем лучше. – В голосе генсека прорезалась жёсткость: – Мы исполним любые его желания, будем холить и лелеять, но он должен находиться где-нибудь рядом, за высоким забором совершенно секретного и хорошо охраняемого объекта!

Прозрачно-голубые глаза Пельше хищно блеснули, а лёгкая улыбка тронула уголки тонких бескровных губ.

– Понял, Леонид Ильич, займёмся сегодня же.

---

¹ Георгий Эммануилович Цуканов – старший помощник Л. И. Брежнева.

² Комитет партийного контроля.

³ Николай Ефимович Челноков, генерал-майор. Заведовал сектором КГБ в отделе административных органов ЦК КПСС.

Глава 1

Вторник, 15 апреля 1975 года, утро

Первомайск, улица Чкалова

Весна потягивалась в дремотной истоме. Робкая и нагая, она нежилась на мягкой травке, опушившей чернозём, стыдливо прикрываясь кипенно-белыми кружевами цветущих абрикосов. Голым ветвям не хватало сквозистого зелёного марева – им деревья окутаются чуть позже, как только распустятся первые клейкие листья, но почки уже набухали, словно соски взволнованной девушки.

Где-то далеко на простуженном севере, под Псковом или Ленинградом, в эти самые дни начинался ледоход – рыхлые, раковистые льдины лопались, натужно трогаясь с места, и ясное синее небо удовлетворенно смотрелось в талые воды.

А здесь, на югах, земля мреет от благодатного тепла. Не того сугрева, что в средней полосе, зыбкого и неверного – отшагнёшь с солнцепёка в тень, и сразу мурашки; нет, держится устоявшийся плюс. Лучезарный воздух истекает запахами буйной жизни, полузабытыми за зиму. Они будоражат воображение и дают волю шальным желаниям...

Щурясь на яркое спелое солнце, я оглядел школьный двор – асфальтированные дорожки, клумбы с полёгшими космеями, иссохшими на корню, выкрашенная серебрином статуя девочки с лейкой. Юркие первоклашки сновали, как мелкая рыбка в пруду, вопили тонкими голосками и бесились: растрёпанные мальчишки дёргали нарядных девчонок за косички, а те давали сдачи – лупили обидчиков портфелями. Пузырящиеся рубашонки, пышные банты и кокетливые фартучки белели напоказ, не прячась под пальтишками и шапками. Теплынь!

Крепко зажмурившись, я подставил лицо лучам – звёздный жар мигом впитался незагоревшей кожей. Вот бы ещё нутром согреться...

Грянул звонок на урок, мешая бравую набатную трель со старческим дребезгом. Пора.

Вопящие малолетки чуть не снесли меня в монументальных школьных дверях. Я быстро поднялся наверх по широкой лестнице с исшарканной ковровой дорожкой – у нас по расписанию урок начальной военной подготовки, а Макароныч терпеть не может, когда опаздывают.

Гулкие отголоски метались по школьным коридорам, разнося стихавший говор и топот. Сворачивая мимо большого зеркала на втором этаже, где скоренько прихорашивались хихикающие семиклассницы, я глянул на своё отражение – не хотелось входить в образ Пьеро. Да нет, лицо как лицо – сжатые губы, жёсткий взгляд. Не совсем в тему для шестнадцати годиков, но мне можно, меня девушка бросила...

Услыхав далёкий командирский голос военрука, прибавил шаг. В классе НВП, чьи стены завешаны плакатами на армейские сюжеты, наблюдалась та же весёлая возня, что и парой этажей ниже, в царстве октябрят. Комсомол тусовался.

Красавица Рита аккуратно и сосредоточенно складывала шпаргалку. Общественница Алла Безродная, наш кудрявый комсорг, строчила заметку для стенгазеты. Драчливый Сосна гнул к парте соседа, вечно мятого Дэна. Тот сопел и бубнил уныло: «Я тя трогаю? Я ж тя не трогаю...»

На свободном пятачке у доски лощёный Женька Зенков разучивал йоко-гери с Дюхой Жуковым, лохматым ясноглазым крепышом. Выходило не очень, хотя выкрик «Ки-и-й-я-я!» в их исполнении звучал весьма натурально.

– Миха, здорово! – крикнул чернявый Паша Почтарь, пробегая мимо и сутулясь, словно под обстрелом.

– Привет, – роняю вдогонку.

– Здравствуй, здравствуй, пень лобастый! – с задорной наглостью продекламировал Дэнчик, вырываясь из цепких рук Юрки Сосницкого, но я не поддаюсь на провокации.

– Миш, ты по матёме сделал? – нарисовался Костя Куракин, прозванный Квочкой, и заныл просительно: – Дашь скатать?

– Да там ничего сложного... – достаю из сумки тетрадь. – На.

– Щас я! – радостно засуетился Квочка. – Я быстро!

– Давай...

Увидав меня, Тимоша зарозовелась, глянула виновато, а я, сохраняя на лице серьёзное выражение, подмигнул ей – Зиночка сразу заулыбалась.

Инна сидела рядом с нею, спокойная и отрешённая, теребя кончик роскошной золотистой косы. Бросив на меня рассеянный взгляд, девушка уткнулась в учебник.

Я почувствовал горечь. Ещё позавчера у меня было счастье, а теперь она его отняла. За что, спрашивается?

Плотнее сомкнув губы, я уселся за опустевшую парту.

Не люблю слово «страдание», слишком оно затаскано. Переживал, да. Хотя зла на Инну не держал, понимал же всё прекрасно – возраст, знаете ли...

Воскресенье провёл как в чаду, даже запашок гари витал. То обида накатывала и в глазах пекло, то подступало чувство потери, и тогда меня выедала, выгрызала кручина, окуная в слепой мрак безысходности. А порой в моей бедной голове роились пленительные образы, порхали розовыми бабочками, изгибаясь округло и дразняще, хотя я не видел Инну даже в купальнике. Ну а фантазия на что?..

– Ки-ийя-я!

– Чего это вы тут делаете? – поморщилась Альбина, вытирая доску. – Прямо в ухо крикнул!

– Так полагается, – важно пропыхтел Андрей, неуклюже опускаясь в стойку дзен-куцу-дачи. – Это карате!

– Какое ещё карате? – удивилась Ефимова. – Балет, что ли?

– Фи! – Зенков манерно сморщил нос и веско добавил, снисходя к простушке: – Не путай приёмчики с фуэте.

– Ой ты, подумаешь! – фыркнула Альбина, кладя тряпку. – Детский сад, штаны на лямках!

Развернувшись, как по команде «кругом», она гордо продефилировала мимо. Стрельнула глазками в мою сторону, в Инкину, но смолчала, лишь незаметно для класса положила мне руку на плечо, слегка сжимая пальцы: держись, мол. Села напротив, через проход, и занялась любимым делом – Изю воспитывать.

– Идёт! – придушенно крикнул Почтарь, заскакивая в дверь и падая на своё место.

В класс стремительно ворвался военрук – невысокий, в меру упитанный, с пышными усами и при полном параде.

– Здравствуйте, бойцы! – бодро воскликнул он.

– Здравия желаем, товарищ майор! – дружно ответил класс.

– Вольно, – сказал Марк Аронович с забавной важностью. – Сегодня мы будем изучать автомат Калашникова...

Одноклассники оживились, подняли шум, задвигались, а Макароныч торжественно отпер самодельный облупленный сейф и вынул парочку АК-74. Мои друзья даже привстали, чтобы лучше разглядеть настоящие огнестрелы.

Мне было неинтересно – в армии насмотрелся, да и не до того. Я обдумывал действительно серьёзный проект для Центра НТТМ. Через силу обдумывал, вопреки, назло! Амурные нелады отлично мотивируют...

Что там тюнингованный ИЖ да сумка на колёсиках! А не замахнуться ли нам на сверхпроводники? На высокотемпературные? ВТСП – это вам не хухры-мухры, тут Нобелевкой пахнет! Да чёрт с нею, с премией, кто ж её вручит школьнику... Но слава-то придёт! А мне известность нужна срочно, просто позарез – публичного человека куда сложнее упрятать в какое-нибудь секретное узилище со всеми удобствами. Ну не верю я, что Андропов бросил меня искать! Это же его долг, его обязанность – найти и обезвредить...

Макароныч увлечённо повествовал о спусковых механизмах и прочих интересных вещах, а я погрузился в омут памяти.

Проще всего сработать сверхпроводящий купрат из окиси висмута-стронция-кальция-меди. Главное, компоненты найти легко! К тому же у зёрен висмутовой керамики ровные края, они как детские кубики – хватит простого сжатия, чтобы их упорядочить... Нет, лучше по-научному – текстурировать!

Всё портит один мерзопакостный изъян – ток в БИСКО⁴ очень уж быстро падает с ростом внешнего магнитного поля. Ну и толку тогда? Лучше всё-таки попробовать ИБКО, хотя там кристаллы больше на бильярдные шары похожи, замучишься текстурировать. А мы их под пресс! Сдавим в «таблетку» – и вуаля...

На некоторое время я выпал из реальности, блуждая по этажам мироздания, спускаясь всё ниже, туда, где кванты правят бал. Там даже «таблетка» из металлооксидной керамики, крохотная, как двухкопеечная монета, – маленький космос. Холодное дыхание жидкого азота замораживает – и сближает. Все электроны таблеточного пространства гуляют Куперовскими парами – бешено вихрясь в могучем токе, они выталкивают вон магнитное поле, справляя эффект Мейснера⁵.

А ниже электронного неистовства, в тёмном подвале Вселенной, таятся чудовищные энергии, сплывающие пространства и времена...

– Гарин! – строго окликнул военрук.

– Да? – очнулся я от физических грёз.

По классу прокатился смех, а Зенков, мявшийся около учительского стола, с надеждой глянул на меня – в руках он держал затвор.

– Разобрать, – приказал Макароныч, вручая мне «калаш», – и собрать!

– Есть, товарищ майор, – хладнокровно ответил я.

– Время засекать? – прищурился военрук.

– А давайте!

Майор поднял руку, глядя на часы, и дал отмашку.

– Начали!

Ухватив автомат за цевьё левой рукой, правой я взялся за рожок, большим пальцем нажимая на защёлку, и вынул его. Выставил переводчик в положение «ОД», отвёл рукоятку затворной рамы назад – ага, патронник пуст. Спустил курок с боевого взвода, выудил «пробирку» пенала, отделил шомпол, крышку ствольной коробки, затвор...

---

⁴ BSCCO – сокращённое название ВТСП из оксидов висмута, стронция, кальция и меди. Произносится как БИСКО. YBCO – упрощённая формула сверхпроводника из иттрия-бария-меди. Упорядочивание структуры (текстурирование) сверхпроводника необходимо для уплотнения и нужной ориентации кристаллитов, поскольку при прохождении тока в ВТСП зазор между зёрнами должен быть меньше характерного размера Куперовской пары – от долей нанометра до нескольких нанометров.

⁵ Куперовская пара – квазичастица из двух электронов, переносчик заряда в сверхпроводниках. Впервые спаривание электронов было предсказано Леоном Купером в 1956 году. Эффект Мейснера заключается в полном вытеснении магнитного поля из объёма сверхпроводника, что делает возможной квантовую левитацию (та же «таблетка» сверхпроводящего купрата парит над постоянным магнитом).

Вскоре все части лежали на столе, я даже дульный тормоз-компенсатор свернул. Мельком полюбовавшись разложенными деталями убийного механизма, быстренько собрал их в обратном порядке и поставил АК на предохранитель.

– Готово!

Макароныч засёк время.

– Однако! – крикнул он. – Тридцать шесть секунд! Пять с плюсом. Молодец, Гарин, садись!

Я кивнул и вернулся на место. Пять так пять. Близняшки с передней парты оглянулись, голова к голове.

– Законно! – восхитилась Маша. – Картина «Защитник Родины». Я так ни за что, ни за что не сумею!

Света молча кивнула, поддерживая сестричку, и улыбнулась мне, как только она умела – мягко, ласково и в то же время с легчайшей грустинкой.

– Для девушек норматив пониже, – успокоил я обеих, а глядел на одну Светланку, словно отвечая на невысказанное.

Чинный порядок как будто отменили – «бойцы» толпились у стола, по очереди расчленивая бедный «калаш». Гвалт болельщиков с советчиками полнил класс, и военрук говорил на повышенных:

– Аля, не отделяй затвор от рамы одной рукой! Женя, не бросай части как попало! Это оружие, а не мясорубка! Эй, эй! Вы что, совсем? Контрольный спуск делают с наклоном, а не целясь в окно!

– Куда лезешь, мон шер? – куртуазно произнёс Жека, отпихивая Изину руку загребушую. – Моя очередь!

– Чё это? – возмутился Динавицер. – Я первый!

– Вас тут не стояло! – хохотнул Дюха, оттирая мелкого, курчавого и лупоглазого Изю. – Точка – и ша!

– Дай посмотреть! – бесцеремонно вклинилась Рита.

Мальчишки шарахнулись под напором её бюста, как тюлени от ледокола. Женька угодливо вручил автомат девушке, и Сулима благосклонно кивнула, принимая подношение.

– А чё это? – затрепыхался Изя.

– Отвали, моя черешня! – небрежно выразилась Рита, взвешивая «АК-74» в руках.

Чтобы сосредоточиться, мне понадобились ручка и листочек.

«Берём окись иттрия, углекислый барий, окись меди, что там ещё... – возвращался я памятью в «святые девяностые». – Тщательно размалываем шихту, прессуем – и весь день отжигаем при девятистах градусах с хвостиком, плавно поднимая нагрев, градусов по сто в час. Снова всё перемалываем, порошок под пресс, чтобы уплотнить керамику, и отжигаем «таблетки», поддувая кислород. Только остужать надо медленно-медленно, так что весь процесс затянется надолго. Придётся ночью дежурить, за термометром следить, за подачей о-два... И будет нам счастье!»

Раздражённо скомкав листок, я чуть не запулил его в угол, но вовремя тормознул замах. Какое счастье, дурака кусок? Где ты его видишь? В текстурированной бляшке сверхпроводника?

Я медленно выдохнул. Всё, хватит гордыню тешить! Сегодня же поговорю с Инной. Прямо на перемене!

Словно потворствуя моему желанию, грянул звонок, отзываясь гулким эхом. «Детки в клетке» разом всполошились, загомонили, готовясь вырваться на краткую волю.

– А стрелять когда? – крикнул Сосна, дёргая молнию на пухлой папке.

– У вас сборы двадцатого. Вот тогда и постреляете. – Макароныч сгрёб автоматы и сунул их в сейф. – Вольно! Разойтись!

Одноклассники повалили вон, галдя и перекрикивая друг друга, устраивая в дверях весёлый затор, а я оглянулся на Инну. Девушка флегматично собирала портфель, обиженно надув губки. На белой лямке фартука, словно ранка, краснел комсомольский значок, а между бровей залегла печальная складочка.

Бросив взгляд в спину выходившему военруку, я встал – холодок струйкою стёк по хребту.

– Инна, я ни в чём не виноват перед тобой, – заговорил с чувством, подбираясь ближе. – Наташа – просто моя знакомая! Зимой я ей серьёзно помог, и с той поры мы не виделись. А тут вдруг встретились! Ну обрадовалась девушка, ну бросилась целовать... И что с того? Я никогда тебя не обманывал, ты же знаешь, и люблю одну тебя... Я...

Инна стояла тихая, будто потухшая и вдруг с силой швырнула портфель на парту.

– Не знаю! – тонко выкрикнула она. – Не верю! И не люблю!

Я метнулся на перехват, обнял, прижал к себе.

– Ну что ты такое говоришь! – забормотал, торопясь высказаться. – Инна!

– Пусти! – Девушка яростно вырывалась. – Пусти сейчас же!

Высвободив руку, она вlepила мне пощёчину.

– Ненавижу! – исказились её вздрагивающие губы. – Ненавижу тебя!

– Да постой же... – Я с силой обхватил извивавшуюся Дворскую. – Ну послушай же ты меня!

– Пусти, сказала!

Сдавшись, я молча отступил. Девушка схватила портфель и выбежала из класса.

А меня скрутило такое отчаянье, что я не справился с собой – горячие слёзы так и брызнули. Безобразно скривив лицо, упрятал его в ладони, и плечи мои жалко затряслись. Я шипел, ругался шёпотом, но едкая влага по-прежнему жгла мои глаза. Всё кончено!

В душе разверзался космически чёрный провал, лишая надежд, утягивая мечты за горизонт событий...

– Ну вот зачем? – прорывалось навзрыд. – Зачем?

Я стоял, горбясь и шмыгая носом, ладонями возя по щекам. Прилив амока схлынул, оставляя тоскливое безразличие и опустошённость. Всё кончено... Пусть.

Спасибо Насе – положила в кармашек пиджака выглаженный носовой платок. Мягкая ткань впитала горячую мокроту, отирая зудящую кожу. «Умылся бы, спаситель СССР!» – подумал с изрядной порцией желчи.

Выцепив сумку, я поплёлся в туалет.

Вечер того же дня

Первомайск, улица Революции

Дворовые качели монотонно, уныло скрипели и ржаво взвизгивали, мотаясь под весом голенастой девчонки. Остывающий воздух ворошил её пушистые волосы, а распущенный алый бант полоскался вымпелом то за худенькой спинкой, то перед довольным личиком.

– Ин-на-а! – доплыл мамин зов. – Домо-ой!

– Ещё пять мину-уточек!

– Домой, поздно уже!

– Иду-у...

С силой притянув стальные ворота гаража изнутри, я нервно махнул рукой, срывая злость на выключателе, заляпанном краской. Да будет свет.

Резкая вспышка из тесной каморки, которую дядя Вова называл «комнатой отдыха», раскаталась жёлтой ковровой дорожкой, загоняя мрак в тёмные углы.

В гаражном боксе было тепло и даже уютно – гудел огонь в самодельной буржуйке, изгоняя застоявшуюся волглость. Красный накал жарил в печные щели и отражался мятущимися бликами на пыльных экранах сломанных, полуразобранных телевизоров, что прогибали полки стеллажа напротив.

Ещё б «Москвич» стоял на смотровой яме для полного антуражу, но не получалось у семьи Гариных «накопить и машину купить», как взывала реклама в сберкассе. То-олько тышчонку подсоберём – дачу надо строить. Опять начинаем откладывать. Стойко держимся полгода – и тут новый соблазн: «А не махнуть ли нам в Крым?»

Конечно, махнуть! Коктебель, Ялта, Севастополь! Число полученных впечатлений обратно пропорционально сумме сделанных накоплений...

– Ничего, будет и на нашей улице праздник... – прокряхтел я, водружая на верстак механический реликт – пишмашинку 1934 года выпуска.

«Ундервуд Универсал» обошёлся без сложного ремонта. Так только – винтики подкрутил, пружинки заменил, отчистил буквенные колодки, подтянул, смазал и – вуаля. Главное, бумаги не коснуться, не наследить. Лист я вставлял в хирургических перчатках, а вот колотить по клавишам удобнее голыми пальцами.

Самиздатовцы, что перепечатают брехливые эпохалки Солженицына, уверены: отпечатки литер всех пишущих машинок хранятся в КГБ. Вот и писаются от страха, заслышав неурочный звонок в дверь. Зря мокнут – все шрифты не учтёшь, да и кто мешает их перебить? Что я и сделал, кстати, а то мало ли...

Разогнав тяжкие мысли, роившиеся в голове, будто мушья над вареньем, присел на табуретку в позу пианиста – и заёрзал: а дверь?..

«Конспигация, конспигация и конспигация!» – как завещал великий Ленин...

Выглянув из «комнаты отдыха», я убедился зримо – мощный засов задвинут, враг не пройдёт. О, окно же ещё! На улице смеркается, а у меня тут яркая лампа-соточка...

«Господи, как же ты мне надоел...» – подумал утомлённо.

Я плотнее прикрыл ставни, вводя режим полного затемнения, и вернулся на табурет, умял седалищем неровно вырезанный кусок истрёпанного поролон.

– Чучело... – буркнул, адресуясь к себе, и заправил чистый лист полупрозрачной папиросной бумаги. Подмётное письмо! Всё как в книжках про попаданцев.

Поправив лист, я стянул перчатки и защёлкал клавишами, посматривая, не кончается ли строка – это тебе не ворд-процессор, переноса не будет, лишь механизм звякнет жалобно, и всё – вышел за поля.

Надо успеть дотемна выдать «аналитическую справку» по арабо-израильскому конфликту. Хочется ещё и Африканский Рог зацепить, но тогда у меня не письмо получится, а бандероль.

Дёргая рычаг интервала и вовремя перебрасывая каретку, я печатал:

«Уважаемый Юрий Владимирович!

Извините за рубленый телеграфный стиль – экономлю место.

Мне одному известны губительные последствия советской внешней политики. Мы продолжим нести потери – репутационные, финансовые и человеческие, – если не перестроимся. Нам, СССР, выгоден курс на деконфликтацию с Западом – он принесёт значительные «мирные» дивиденды (например, существенно сократит расходы на оборону). Для зачина скажу, какой линии должна бы придерживаться КПСС на Ближнем Востоке.

Необязательно «дружить» с Тель-Авивом, но будет полезно занять хотя бы нейтральную позицию в арабо-израильских разборках – официально. А неофициально – разваливать ФАТХ и Организацию освобождения Палестины, не гнушаясь ликвидациями; всячески способство-

вать присоединению к Израилю Западного берега реки Иордан, Иерусалима и Сектора Газа; развивать мультикультурность в общей среде евреев и арабов. Это всё должно стать долговременной программой замирения. Но есть и актуальная задача – тайно поддерживать партию труда «Авода» и её лидеров – Голду Меир, Ицхака Рабина, Шимона Переса. Цель – не допустить прихода к власти в 1977 году блока «Ликуд» и «ястреба» Менахема Бегина, который покончит с социалистической ориентацией Израиля, пусть и слабо выраженной...»

Я размял пальцы. Ох, уж этот мне Ближний Восток! Истоптанный перешеек между полудикой Африкой и разноликой Азией, безрадостная пустыня, выжженная солнцем, за которую упрямо цеплялись древние народы, чьи имена стёрлись прежде Ветхого Завета. Люди гибли за эту землю обетованную с начала времён – под безжалостным накатом фараоновых колесниц, от заржавевших на крови римских клинков или убийственных пулемётных очередей. Здесь лакомо шелестят нефтедоллары и туго-натуго завязываются мудрёные узлы противоречий, распутать которые не в силах ни один смертный. А я всё-таки попробую...

«...Юрий Владимирович, предлагаю установить двухстороннюю связь, – набрал я под конец. – Получаю от вас шифровку по радио с вопросами – и отсылаю письмо с ответами. Ну или делаю закладку. Одноразовый шифроблокнот, раздёрганный на странички, прилагается. Буду на приёме по субботам, ровно в три часа дня...»

Я снова натянул перчатки, умял листочки письма и вложил их в конверт с хвастливыми буквами АВИА. Двадцать против одного, что чекисты ухватятся за вариант «Спрашивайте – отвечаем». Подсуетятся – и денька через три я приму сообщение «номерной радиостанции» из Москвы-матушки. Как Штирлиц.

– Что б ты ещё придумал, – забрюзжал я в манере старого сварливого деда. – Тоже мне, нелегал из будущего выискался...

Открыв лязгнувшую печную дверку, раздражённо пошурудил кочергой, мешая тлеющие угли. Дымное амбре сторевавшего антрацита нахлынуло, перебивая земляной запах картошки – я ещё на каникулах поднял корнеплоды из погреба и пересыпал в ящики. Пусть «картопля» постоит в тепле, ростки выпустит. На Дальнем Востоке мы этот «второй хлеб» в мае сажали, а на Украине самое время – конец апреля. Скоро на дачу...

Выключив свет в «комнате отдыха», осторожно сдвинул засов. Солнце закатилось, и кисейный сумрак уравнивал сияние с тенью, бессовестно утаивая краски. Лишь последний свет зари цеплялся за одинокую тучку в вышине, заставляя её стыдливо алеть да наливаясь нежным румянцем. Луч бледнел, пока не угас, и хмара тут же поскучнела, подурнела, распухая в серую кучёвку.

– Изнемогла... – пробормотал я, следя за гульнувшим облачком. – Из жара страсти вернулась вновь во хлад и явь...

Вечерняя свежесть одолела теплоту, и я поднял воротник куртки – озяб после прогретого гаража. Никого вокруг, даже голосов не слышать, только за окнами пересветы – люди пиццеварили, любились или смотрели хоккей по телику, как там чехи шведов лупцуют⁶.

Заперев дверь, я не спеша пошагал к ресторану «Южный Буг», что угловатой массой глыбился впереди. Из фигурных форточек приглушённо доносилась разухабистая музыка – народ гулял на свои трудовые.

Узким проходом-щелью, где держалась знобкая сырца, я выбрался на улицу Шевченко – будто шагнул с околицы сонной деревушки в центр неспящего мегаполиса. Здесь горели узорные чугунные фонари, чередуясь с ветвистыми каштанами. Пульс вечернего города частил – от вокзала долетали гулкие зовы диспетчера; желтея окнами, отходил скорый поезд, а к остановке на углу подкатывал канареечного окраса «ЛиАЗ», утробно взрыкивая мотором и некультурно пшикая тормозами.

---

⁶ Как раз шла трансляция матча с чемпионата мира по хоккею между сборными Швеции и ЧССР.

На улице – людно и суетно. Ещё час от силы, и она опустеет, лишь последние автобусы будут проворно сновать, нетерпеливо впуская в гулкое нутро запоздавших пассажиров. А пока первомайцы суматошно отоваривались или спешили домой. Лишь влюблённые парочки никуда не торопились – брели сами по себе, наслаждаясь погожим вечером и друг другом.

Я нахохлился и пошагал к площади Ленина. Ближайший почтовый ящик – между книжным и кинотеатром им. Луначарского – пропустил, уж больно оживлённое место. Поберегусь.

Ближе к площади света убавилось, и я как бы между делом бросил письмо в синий ящик, висевший у дверей магазина «Ткани».

Сразу захотелось прибавить шагу, уйти поскорее, скрыться, но я осадил себя – не надо выбиваться из общего размеренного ритма.

И потащился дальше, почти физически ощущая, как сверлят спину недобрые взгляды. Тускло взблёскивая фиолетовым, целятся объективы «Аякса-12» или «Цинии», запечатлевая странного юнца, подходящего под описание объекта «Миха»... Ой, да ну их всех!

Послание здорово отвлекло меня, заняло важным делом, а теперь вместо отдыха и покоя вернулись переживания.

Я вдруг ощутил гнетущее одиночество. Словно вернулся в полузабытое, почти нереальное будущее, где тихо старился. Где развёлся с любимой женщиной, похоронил отца, а между мной и матерью, между мной и сестрой выросла мёртвая зона отчуждения.

За месяцы, проведённые здесь и сейчас, в «светлом прошлом», я привык к старому новому бытию. Мне было приятно выполнять работу над ошибками – исправлять огрехи, сделанные в «бывшей жизни», и не допускать очередных житейских помарок.

И всё же вернуться в семьдесят пятый насовсем не получалось. Я по-прежнему ощущал себя гостем из будущего, таким добрым оборотнем, который лишь притворяется своим – сыном, братом, одноклассником. А вот когда полюбил Инну, моё двоившееся «я» как бы слилось, прошедшее время стало для меня настоящим. Но не навсегда...

Поморщившись, я поймал себя на том, что стою у ворот «военного двора». Отсюда виднелся лишь краешек окна пятой квартиры – там горел свет, нагоняя розовые тени. Наташа была дома.

«Можно зайти в гости, девушка только обрадуется... – воровато шмыгнула юркая мыслишка. – Мне даже уговаривать её не придётся, Наташка сама начнёт ко мне приставать...»

Я вздохнул.

«Если ты сейчас пройдёшь к «военному дому», всё так и будет, – подумал кисло. – Что, хочется? Тянет, да? Вот только после ты уже никак не оправдаешься ни перед Инкой, ни перед собой...»

Раздражённо передёрнув плечами, я направил стопы домой.

Среда, 16 апреля 1975 года, день

Узбекская ССР, Наманганская область

Громадный «Ил-76» летел почти пустой – в гулкой грузовой кабине поскрипывал рессорами маленький «УАЗ-469», прозванный «бобиком», чистенький и ухоженный, как будто только с конвейера, а на жёстких диванчиках, тянувшихся вдоль бортов, дремали два пассажира – она и Ершов.

Марина вытянула стройные ноги, «зачехлённые» безразмерными пятнистыми шароварами, и откинулась на подрагивавшую стенку. Смежила веки, но глаза не хотели закрываться. Девушка вздохнула.

Когда в Первомайск заявился генерал-лейтенант Иванов, главноначальствующий в Управлении «С» ПГУ⁷, она насторожилась. Если этот волчара возьмётся за поиски Миши, то надо быть начеку – у Бориса Семёныча может получиться. Но едва Марина изготовилась отвечать на действие противодействием, как её вывели из игры!

«Срочно вылетаете в Узбекистан, товарищ Исаева, – серьёзным тоном сказал Борис Семёнович. – Вы и товарищ Ершов. В Ташкенте вас будут ждать ещё двое – Умар Юсупов и Рустам Рахимов, люди проверенные. Вы – командир спецгруппы. Действовать под видом геологов, и действовать жёстко, Марина Теодоровна, как на фронте! Ершов малость партизанил в Йемене, вы – в Колумбии и Никарагуа, так что вспоминайте навыки. Надо брать «языка» – берите! Ликвидировать – ликвидируйте! Вам разрешены все прямые действия...»

Марина кивала невозмутимо, а душу разрывало надвое. Хотелось, очень хотелось снова выйти на «тропу войны», зачистить отечественную мразь! Но и тревога за Мишу не покидала – как он тут один, без «Роситы»? Переживай за него теперь...

Правда, и вся первомайская группа распалась, не она одна покинула милый городишко на Южном Буге. В старой усадьбе на улице Мичурина остались лишь трое – Славин, Верченко да Вальцев, играющий «Миху» для завязых театралов из Лэнгли.

Немного успокаивало, что Иванов убыл в тот же день, оставив за себя Синицына. Игорь Елисеевич силён, но Миша сильнее...

– Не спишь?

– А? – Марина вырвалась из своих размышлений и опустила взгляд. Встрёпанный Ершов сидел напротив, протирая глаза.

– Не спишь, говорю?

– Выспалась, в общем-то, – сухо ответила «Росита». – Долго ещё?

Зевая, Гриша посмотрел на часы.

– Подлета-аем... Знаешь, до меня только сейчас дошло, почему именно нас перебросили на «хлопковое дело»... – Он протяжно зевнул, да с хрюском, отчего смутился и забормотал: – Информация наверняка от «Михи», а круг посвящённых не должен расширяться...

– Похоже, в общем-то, – кивнула Исаева, делая вид, что ничего не заметила. – А тебя не смущает, что нам выдали «лицензию на убийство»?

– Ничуть, – серьёзно ответил Ершов. – Ты ушла когда, я насел на Елисеича. Мно-ого забавного узнал! В солнечном Узбекистане такое творится, что стыдно звать его советским!

Марина хотела ответить, но тут огромный самолёт просел, теряя высоту и спирая дыхание.

– На посадку идём... – закричал Григорий.

Полусекретный военный аэродром схоронился под Ташкентом, а чтоб совсем уж запутать вероятного противника, у рулёжек грелись «кукурузники».

Над единственной взлётно-посадочной полосой дрожал горячий воздух, а вдоль высокого забора буйно цвела сирень. Жара!

Едва «бобик», качая длинной штыревой антенной, скатился по рампе, к Марине вразвалочку подошло пополнение – двое смуглых парней, одетых в мешковатые штаны и балахонистые выцветшие энцефалитки. Аккуратные бородки добавляли фактурности добрым молодцам, похожим, как горошины в стручке. Только одного отличала короткая стрижка, а другой и вовсе сбрил волосы, блестя на солнце загорелым черепом.

---

⁷ Управление «С» Первого главного управления КГБ занималось нелегальной разведкой. Однако полномочия генерал-лейтенанта Б. С. Иванова были куда шире – он занимал должность первого заместителя начальника ПГУ.

– Салом! – жизнерадостно поздоровался бритоголовый, и Ершов метнул в него ревнивый взгляд.

– Привет! – Исаева плавно и томно заправила крупную прядь чёрных волос, выбившуюся из причёски, насмешливо стрельнула глазами в сторону Гриши и сказала шутейно: – Специально так постриглись, чтобы я вас не путала?

Добрый молодец с наголо обритой головой рассмеялся, блестя белыми зубами.

– Угадали! – весело сказал он. – Я – Рустам. Рустам Рахимов.

– Умар Юсупов, – просипел стриженный.

Девушка заломила брови домиком:

– А больше вы ничего не хотите мне сказать?

Умар приложил к сердцу пятерню, немо извиняясь, и загундосил простуженным голосом:

– Когда алеет восток, тени длиннее всего.

– К полудню они исчезают, – выдала Марина отзыв, туманно улыбаясь румяными губами.

– Но на закате протягиваются вновь! – горячо договорил бритоголовый и чуть порозовел.

– Я – Марина, а вот он – Григорий.

Исаева сунула пальцы в кожаный чехольчик от рации. Нахмурилась, похлопала себя по карманам... Над переносицей у неё сложилась сосредоточенная морщинка.

Ершов молча, унимая в себе мавра, пожал руки пополнению.

– Люди, – озабоченно воззвала Марина, – а мою рацию никто не видел?

– Растеряша! – бросил Григорий с благодушным укором.

– Так ведь только что в руках держала! – обиженно оправдываясь, сказала девушка и горестно вздохнула. – Вот что я за человек...

– Может, в самолёте оставила?

– Ты думаешь, я помню? – расстроено повела плечом «Росита». – Может... В общем-то.

– А что за рация? – заинтересовался Рахимов.

– Да «Тюльпан»! – с досадой воскликнула Исаева и обречённо махнула рукой: – Всё, потеряла, наверное...

Спецгруппа с сочувствием смотрела на своего командира.

– Ищем! – обронил Ершов, шагая к «Ильюшину», чьи турбины ещё свистели, перелопачивая тёплый воздух.

Пополнение рьяно взялось за поиски, пытливо хлопая дверцами «бобика» и даже заглядывая под машину. Больше всех шебутился Рахимов, а удручённая «Росита» стояла прямо посередке суматохи, как в глазу бури, и наблюдала за мужским хороводом.

– И что у меня за натура такая? – Гримаска, мелькнувшая на лице Марины, сменилась горьким изгибом губ. – Скажи: «Ворона!»

– Щас мы всё найдём! – суетился Рустам, но тут Григорий показался на рампе, победно взмахивая рацией с танкеткой.

– Нашёл! – крикнул он. – Эта?

– Эта, эта! – быстро закивала девушка, бережно принимая «Тюльпан», словно живой цветок. – Рахмат! Я правильно сказала?

– Правильно! – умилился Рахимов. – Ха тогри⁸!

Ершов посмурнел, а Исаева, быстро блеснув на него глазами, нагнулась, чтобы ту же затянуть шнурки.

– Садимся, – нетерпеливо подвёл черту Гриша и мотнул головой в сторону «бобика». – Кто поведёт?

– Давайте я, – сказал Умар с хрипотцой, косясь на девушку.

– Давай, – кивком согласился Рустам. – Покажешь хоть дорогу к базе.

---

⁸ Рахмат (узб.) – Спасибо. Ха тогри (узб.) – Да, правильно.

- Базе? – удивлённо замерла Марина в неудобной позе.
- Да так, пара сборно-щитовых домиков в горах, – охотно пояснил Рахимов. – Раньше там обитали геологи.
- Исаева понятиливо кивнула, выпрямляясь.
- Едем!

За Ташкентом потянулись бескрайние зелёные поля и маки по обочинам. Даже не верилось, что на календаре середина апреля.

Правда, на перевале Камчик резко похолодало – сказывалась высота, а кое-где на безлесных склонах ещё лежали ноздреватые шапки снега. Хмурые отвесные скалы словно вздыбились, выросли, закрывая полнеба, а в шаге от дверцы обрывалась пропасть, курившаяся туманами.

- Даже стёкла запотели, – озабоченно сопел Умар, вода тряпкой по лобовому.
- Скоро потеплеет! – гарантировал Рустам.

Юсупов взялся за руль обеими руками, и Марина отмерла.

«Фу-у...»

Путь вниз, в раздолье Ферганской долины, был куда веселее.

«Уазик» бодро урчал, одолевая спуск, а по сторонам всё радовало глаз – буйное разнотравье в долинах, целые луга красных тюльпанов, весёленькие рощи орешника и арчи на склонах гор, непроходимые заросли-тугаи вдоль бурливых речушек, а строй пирамидальных тополей издали отмечал кишлаки.

Вскоре холмы разгладились в равнину, зелёную от посевов хлопчатника – ровные грядки-агаты уходили налево и направо, сливаясь в сплошные поля цвета арбузной корки. В междурядьях горбатились хлопкоробы, вороша кетменями⁹ подсыхавшую почву.

– Умар, – девушка без усталости вертела головой, поглядывая и вперёд, и по сторонам, – мы прямо на базу?

– Я бы предложил завернуть в Кизил-Палван, – сдержанно проговорил Юсупов. – Мой родной кишлак. Увидите здешнюю натуру...

– Давай, – согласилась Исаева, внимательно наблюдая за Умаром в зеркальце заднего вида. Парень глянул – и затвердел лицом. – Давно там не был?

– Больше года, – разлепил губы водитель. – В Кизил-Палване правит клан Насриддиновых. Это знатный род, а главный в нём – Карим-ака. Сволочь та ещё...

– Знать? – хмуро спросил Ершов. – В СССР?

Рустам невесело рассмеялся.

– Здесь свои порядки, Григорий, – серьёзно проговорил он. – Снаружи – советский глянец, а внутри частенько продолжают жить как до революции. Всей разницы, что нынешние ханы и баи вешают на грудь Звёзды Героев Соцтруда да носят красные книжечки депутатов...

– Как Адылов! – резко сказал Умар, сворачивая на просёлок. – Карим Насриддинов – его верный опричник. У Карима меньше бойцов, чем у Ахмаджана, не такие связи в Ташкенте и Москве, но каждый вассал мечтает стать сеньором...

– Бойцы? – Григорий заметно напрягся.

– Бойцы, – хладнокровно кивнул Юсупов. – Аскеры! Накачанные дембеля, бывшие милиционеры или уголовники. Опасный сброд. Подъезжаем!

Водитель кивнул за окно. Там в окружении молодых топольков расплывалось серое типовое сооружение, приземистое, с полукруглым верхом, сложенное из железобетонных панелей

---

⁹ Кетмень – нечто среднее между мотыгой и тяпкой.

и блоков. А рядом, на обширном дворе, прямо на асфальте лежал хлопок прошлогоднего урожая – гигантская усечённая пирамида из грязной ваты, разворошённая с краю, где копошились мужички в одних штанах да тюбетейках, набирая охапки «белого золота».

Исаева проводила глазами блестящие спины, коричневые от загара, и на миг ощутила себя незваной пришельцей, вторгшейся в чужую жизнь. «Они тоже свои! – упрямо мотнула она чёлкой. – Советские!»

Потянулась единственная улица кишлака, извилистая и пыльная. Её замыкали два ряда неровных дувалов, сложенных из глины. На их неровных побелённых боках расплывались рыжие потёки. Порой дувалы прорезались тёмными подворотнями-долонами. Марина тихонько хмыкнула – такое впечатление, будто смотришь «Клуб кинопутешествий»!

Она азартно крутила головой, и в памяти задерживались отдельные картинки, словно кадры, вырезанные из документального фильма. Вот крохотный базарчик с дырявыми навесами из брезента, плоховато удерживавшими тень. Возле «ЗИЛа»-автолавки приценивалась пара старушек в атласных туниках, с платками, намотанными на головы, и почему-то в галошах. Сурово насуспенный малолетка вёл ослика, нагруженного валежником и рублеными ветвями. Под сенью единственного дерева застыли старцы-аксакалы в тюбетейках и стёганных халатах, высохшие, словно мумии.

Азия!

А вот в глинобитной, припорошённой пылью стене распахнулась узкая калитка, и перед Исаевой промелькнули покосившиеся сарайчики, крытые толем. На улицу пугливо выглянула молодая женщина в замасленном халате. Босая, она держала на руках брыкавшегося голыша, а сбоку к ней жался малыш постарше в изгвазданной майке до пупа.

Со двора тянуло такой неприкрытой бедностью и бедой, что у «Роситы» мурашки пошли.

– Это Зарина, – негромко прокомментировал Юсупов, сводя брови. – В позапрошлом году пережила выкидыш. Беременную, её послали собирать хлопок...

– «Освобождённая женщина Востока», – процедил Ершов.

Тоскливый образ мелькнул и пропал, а «бобик» выехал на круглую площадь, где под густыми чинарами ютилась чистенькая беленькая чайхана – пара потных толстяков сидела за дастарханом, уминая плов, жирными пальцами роясь в казане.

Марину передёрнуло.

Развесистые деревья прикрывали собою арык – глубокую канаву с журчавшей водой. У мутного потока хватало сил вращать водяное колесо-чигирь, переливавшее влагу в ржавый жёлоб.

Рядом, в уродливом одноэтажном здании, размещалась автостанция, напротив тянулось длинное сооружение барачного типа, увешанное разномастными вывесками – там и милиция пристроилась, и кишлачный совет, и ещё что-то официальное.

Но Исаева не замечала убогого прибежища советской власти, она разглядывала огромный дом, выстроенный на пригорке. Как феодальный замок, он возвышался над кишлаком – пышный дворец среди бедных хижин. Домина не прятался за дувалами, он нагло и кичливо выставлал напоказ добротную крышу из рифлёного железа, затейливые арки окон, галерею с резными колоннами, прятавшую в тень веранду-айван. Из-за высокой каменной ограды выхлестывали черешни и туи, украшая скромный быт председателя колхоза им. К. Маркса.

– Это там проживает гражданин Насриддинов? – неласково усмехнулся Ершов.

– Там, – набычился Умар.

– Надо будет зайти к нему в гости. Проведать трудягу!

«Уазик» свернул в узкий переулочек, профырчал мимо обшарпанного ларька, где разливали керосин, и вскоре выкатился на ухабистую грунтовку, уводящую в предгорья Кураминского хребта.

Дорога почтительно вильнула, обходя старый мазар¹⁰ с обрушенным куполом-гумбезом, и перед «бобиком» стеклянно заблестел широкий, но мелкий ручей.

Водную преграду машина одолела с ходу, подняв веера брызг, сверкающих на солнце, и тут же, словно испугнутая птица, из-за прибрежных кустов выскочил худой бледнокожий человек в одних штанах, рваных и засмальцованных, да и припустил бегом.

– Это же Суннат! – заполошно воскликнул Рахимов.

– Не может быть... – растерялся Умар, но его нога будто сама вдавила педаль газа в пол. – Крикни ему!

Беглец запетлял, изнемогая, и Рустам, быстро завертев ручку на дверце, опустил стекло.

– Сунна-ат! – крикнул он неожиданно тонким голосом. – Это я, Рустам! Да стой же ты!

Суннат пошатнулся и упал в траву. Умар резко затормозил, нещадно пыля, и Рахимов выскочил из «бобика». Юсупов с Ершовым кинулись за ним грузной трусцой.

Марина, выйдя последней, лишь покачала головой. Беглеца отличала не просто худоба – он был измождён, вызывая в памяти жуткие фото из лагерей смерти – впавший живот, рёбра наружу, костлявые руки. Запалённо дыша, Суннат лопотал на узбекском, а в чёрных глазах всё ещё мерцал тающий испуг.

Хмурый Умар помог ему встать на ноги.

– Это Суннат Джураев, – он кхекнул, прочищая горло, и постарался завершить фразу ровным голосом: – Мы с ним в одной восьмилетке учились. Он бежал из папского¹¹ зиндана... Тюрьма у Адылова такая, как у ханов или эмиров была!

– Что ты как переводчик прямо... – пробормотал Суннат, смущаясь своего вида. – У меня по русскому всегда четвёрки и пятёрки были...

– И за что вас так? – участливо спросила Исаева.

Глаза Джураева забегали.

– Не бойтесь, – проворковала девушка, успокаивающе кладя руку ему на плечо, сухое и жилистое. – Это «воины» Адылова?

Суннат сокрушённо кивнул.

– Адылов – наш враг! – Ноздри Рустама гневливо раздулись.

– Главное, – зловеще усмехнулся Ершов, – что мы его враги. Он этого не знает пока, но ничего, известим. При личной встрече!

– Едемте с нами, Суннат, – мягко сказала Марина. – Укроем вас, подлечим, накормим. Только поймите правильно: отпустить вас мы сразу не можем. Нельзя, чтобы о нашей группе узнали.

– Поехали, Суннат! – Умар выдал Джураеву тельняшку из своих запасов. – Держи.

– Да не надо... – промямлил «пленный».

– Держи! – настоял Юсупов. – Не выёживайся, тут все свои. Наши!

– Опера, что ли? – недоверчиво проговорил Суннат, натягивая тельник.

– Бери выше! – ухмыльнулся Рахимов с отчётливой гордостью. – Куда выше!

– Да я что... – вздохнул Суннат, сникая. – Я ничего... Вымотался так, что... Только как же я с вами в одной машине? Вонять же буду...

– А мы Маринэ-апа пересадим вперёд! – рассмеялся Рустам. – Залезай!

Исаева послушалась и устроилась рядом с водителем, а мужчины стеснились на заднем сиденье. Юсупов выжидать не стал, сразу тронулся с места, набирая скорость, – двигатель обиженно заревел.

---

¹⁰ Мазар – могила, скромный мавзолей. Священное место.

¹¹ Пап – райцентр в Наманганской области, центральная усадьба колхоза им. В. И. Ленина, председателем которого являлся Ахмаджан Адылов.

– Вы спрашивали, Маринэ-апа... – громко сказал Суннат, привычно не договаривая. – Я работал агрономом два года, пока... В общем, не стал подписывать документы на большую партию хлопка. Тот был третьесортным и даже хуже, но мне приказали оформить его как первый сорт, посулив большую «премию». Я поднял шум – не продаюсь, мол, а о мошенничестве в область доложу! – Он тяжело вздохнул, а губы дёрнулись в кривоватой усмешке. – Дурак был... В Намангане меня и повязали. Вернули в Пап, бросили в адыловскую каталажку. Ползимы там отсидел... Подкоп рыл ржавым кетменём, хоть и без черенка, а всё ж... Как раз этой ночью бежал. Бегу и сам не знаю, куда...

На пару минут повисло молчание, лишь мотор натруженно взрыкивал, одолевая подъём. Склоны да взгорья выгибались всё круче, зарастая глянцевиной зеленью, а воздух ясенел, оставляя мутноватую дымку низовьям.

– Мы, в общем-то, как те разведчики в тылу врага, – серьёзно проговорила Исаева, не оборачиваясь. – Пленных не берём, а свидетелей охранять... как-то, знаете, недосуг. В общем-то, лучше всего... – затянула она, соображая. – Станете пятым!

– Да я только за! – Джураев потёр ладони, успокаиваясь. – Хватит с меня, натерпелся.

– Вот и отлично. Скажите: «Уговорили!»

– Уболтали! – хохотнул Рустам.

Полчаса поднимался «бобик» в горы, петляя между скал и рощиц стлавшейся арчи, пока не прикатил к давно покинутому убежищу геологической партии. Ничего особенного: три щитовых домика-балка сгруппировались вокруг ржавой цистерны и покосившегося дощатого навеса, а к крайнему балку жался здоровенный сорокафутовый контейнер, которым пользовались как складом.

Юсупов загремел ключами, отворяя завизжавшую стальную дверцу.

– Ага, подкинули подарочки! – глухо донёсся его довольный голос из глубин контейнера. – Оружие, лекарства... одеяла... Ага... Рация, консервы... Всё здесь! Марина, что вам принести? «Стечкин» подойдёт?

– А «пэбэ» есть? – оживилась девушка.

– «Пэбэ?» Щас... Несу!

Умар вышел на свет и торжественно вручил Исаевой спецкобуру.

– Пользуйтесь!

– Спасибо, – улыбнулась Марина, вынимая «ПБ» – пистолет бесшумный. Он походил на «макаров», но чисто внешне. И глушитель тут разборный – передняя насадка хранится в отдельном кармашке кобуры. Цепляется она быстро – и огонь по врагам рабочего класса! Правда, стрелять совсем уж без шума не выйдет – бывает слышен лязг затвора. Но это пустяки, главное, что у «ПБ» баланс хороший, даже с массивным глушаком.

– Обживаемся, ребята, – отрывисто сказала Исаева, пристраивая кобуру под лёгкой курткой, – разбираем подарочки. Гриша, налаживай связь. Умар, на твоей совести генератор. Тут бензиновый движок?

– Дизелёк, – с готовностью откликнулся Юсупов, – но справный, не заезженный.

– Действуй. – Марина обвела взглядом дальние заснеженные горы и долину, что крылась в падымке испарений, как восточная красавица за вуалью. – Завтра в рейд.

Вечер того же дня

Москва, Старая площадь

Выслушав чёткий доклад начальника оперативного отдела, Пельше успокоился и даже подобрел. С такими кадрами не бывает проблем, только задачи!

Благодаря, председатель КПК спустился в цеховский буфет подкрепиться – полчаса у него точно есть.

– Сделайте мне, пожалуйста, пару бутербродиков. С паюсной икрой и... Это что за рыбка?

– Севрюга горячего копчения! – прошептала миловидная буфетчица.

– Вот, и с нею тоже. Посчитайте ещё кофе с молоком и... Кекс свежий?

– Свежайший, Арвид Янович!

– И его. Сколько с меня?

– С вас восемьдесят семь копеек!

Отдав рубль и забрав по монетке сдачу, Пельше уединился за столиком в углу, сдвинутым к мощной квадратной колонне. Он любил такие вот краткие моменты покоя, когда удавалось на время сойти с дистанции, отдышаться в перерывчике, собираясь с силами и мыслями.

До условленного часа оставалось семь минут, когда Арвид Янович неторопливо поднялся на «запретный» пятый этаж. Он сам продемонстрировал недреманым стражам служебное удостоверение – особый штамп стоит, доступ разрешён.

– Мне назначено, – сухо обронил председатель КПК.

Офицер охраны дал добро, и Пельше бочком скользнул за створку высоких дверей 506-го кабинета – обширной зальцы метров трёхсот площадью. И огромный её стол-аэродром для совещаний, и прочую мебель, двери и даже рамы с подоконниками смастерили из светлого ореха, словно в противовес сталинским вкусам – вождь предпочитал дерево благородных тёмных тонов.

Арвид Янович поёжился и вздохнул.

Как будто по давнему обычаю, он скосил глаза налево, где, задёрнутая плотными шторами, во всю стену висела панель с десятками карт, свёрнутых в рулоны. Ещё каких-то тридцать лет назад тут раскручивались пятикилометровки¹², исчерканные синими и красными линиями фронтов, а нынче всё магистрали рисуют да города новые... Мир.

Нескромно распахнутая дверь в комнату отдыха подпускала взгляд к трюмо, у которого стригли и брили генсеков, начиная с Иосифа Виссарионовича. Отразившись в зеркале, показался Брежнев в отлично сшитом костюме, как всегда вальяжный, а нынче ещё и подтянутый.

– Арвид Янович, здравствуйте! – В глазах у Генерального под тяжёлыми набрякшими веками искрились весёленькие огонёчки. – Чем порадуете?

– Делом по объекту «Ностромо» занимается Бруно Хинкис... – внушительно начал Пельше.

– А он точно наш? – хмыкнул Леонид Ильич.

Председатель КПК не сразу понял, но на счёт «два» его восковые, как будто неживые губы изломились улыбкой.

– Бруно – эстонец. Человек проверенный, и не раз, едва ли не лучший из моих оперативников. Ему удалось выяснить, что поисками «Ностромо» занимается спецгруппа КГБ во главе с Борисом Ивановым и другим доверенным лицом Андропова – Игорем Синецким. Есть основания полагать, что к работе спецгруппы привлекается Питовранов. Что важно, Хинкис выявил зону поисков – это город Первомайск в Николаевской области...

– Знакомые места! – оживился хозяин кабинета. – Что ещё новенького?

– «Ностромо» – всего лишь кодовое название операции. Самого предиктора зовут «Михой».

– Миха? – Мохнатые брови генсека полезли вверх. – Мишка, что ли?

---

¹² Карта масштаба 1:500 000.

– Вообще-то Миха – это еврейское имя. Что-то вроде «Посланника божьего». Но возможны варианты. Да, и самое важное – в конце месяца в Первомайск на усиление поисковой группы перебросят бригаду специалистов. Хинкис – один из них.

– Отлично! – хлопнул в ладоши Брежнев. – Отлично... Продолжайте в том же духе, Арвид Янович!

Глава 2

Четверг, 17 апреля 1975 года, день

Первомайск, площадь Ленина

Вакарчук бесцельно слонялся по скромно обставленному номеру – казённый стол, продавленное кресло, выцветшие обои и люстра о трёх рожках, засиженная мухами. Обычное убежище командированных.

Дверь никто не запирает и окно без решёток, но этот «полулюкс» – его тюремная камера. В коридоре дежурит молодой человек спортивного сложения – надо полагать, чутко охраняет кадку с фикусом, что раскинулся у аварийного выхода...

Ещё один «пан Спортсмен» оккупировал диван в фойе и делает вид, будто просматривает свежий выпуск «Прибужского коммунара» – местной газетёнки.

– М-м-м! – замычал Степан, словно мучимый зубной болью, и простонал: – Да что же это за жизнь такая?

Арест чудился ему концом света. Все грёзы и чаянья смело одним махом, стоило тому накачанному капитану предъявить своё удостоверение и вежливо сказать: «Гражданин Вакарчук, пройдите с нами!»

Чекисты знали о каждой мелочи, отпираться бессмысленно...

Бессильно шаркая разношенными тапками, агент «Вендиго» приблизился к окну. Раздражённо отдернул цветастую занавеску и прижался виском к крашеной раме. Медленно провёл ладонью по холодному стеклу.

«Бежать? Куда? – заторможенно пресмыкались рванные, несвязные мысли. – И как? Да и зачем? Всё равно найдут... «Шпиён». Вот ведь...»

Кривясь, Степан созерцал малолюдную площадь, переводя взгляд с серого памятника Ленину на кинотеатр «Октябрь» и обратно, как будто тренируя зоркость. Скопил глаза влево и вниз. Почти до жестяного подоконника доставали гнутые неоновые трубки, складывавшиеся в буквы. «Гостиница «Первомайск».

Вакарчук устало смежил веки. Это конец...

В дверь коротко постучали, и «шпиён» вздрогнул.

– Да-да! – нервно откликнулся он.

Порог номера переступил мужчина интеллигентного облика, в аккуратном костюме с безупречно подобранным галстуком. Очки придавали его лицу строгость, одновременно усиливая умный и внимательный взгляд.

– Здравствуйте, Степан Панасович, – спокойно сказал гость и улыбнулся уголком рта: – Да, вы не ошиблись, я офицер госбезопасности, хотя мою гражданскую натуру уже, наверное, не переделать. Именно поэтому представляюсь своим настоящим именем: Игорь Елисеевич.

– Это такая методика? – криво усмехнулся агент «Вендиго». – Располагать противника к доверию?

– А вы для нас больше не противник, – невозмутимо парировал Синицын и жёстко добавил: – Как только вы согласились с нами сотрудничать, то стали двойным агентом, через которого мы дезинформируем ЦРУ. Можете списать мою болтливость на «такую методику» или разгильдяйство штатского, но никакого секрета я не выдал, да и вы всё прекрасно понимаете. Присядем?

Игорь Елисеевич занял кресло у стола, а Вакарчук демонстративно оседлал обшарпанный стул, складывая руки на спинке. Он остро ощущал неуют, и в то же время где-то в серой мгле унылости замерцала робкая искорка надежды.

– Степан Панасович, – резко посерьёзней Сеницын, – меня послали сюда, в Первомайск, не для того, чтобы вести работу с вами... хотя и для этого тоже. На месте я отвечаю за всю операцию, связанную с «Михой»...

– Признаться, Игорь Елисеич... – Вакарчук глянул исподлобья. – Простите, что перебиваю, но меня куда больше «Михи» волнует моя собственная персона. Она мне, знаете ли, дорога.

Игорь Елисеевич понятиливо кивнул.

– Скажите... – Он чуть помедлил, словно решаясь на что-то, а затем договорил, глядя на двойного агента со значением: – А чего вы хотели, когда дали себя завербовать американцам? Цель вы какую преследовали, соглашаясь на измену родине?

– Ну да, я предавал родину, – скучно сказал Степан. – Не хотел, просто... А, ладно! – Он сморщился и запальчиво выплеснул: – Что я, не понимаю, как всё выглядит? Плохиш проданся буржуинам – вот тебе и весь сказ!

– А это не так? – Взгляд Сеницына стал испытующим.

– Нет, – буркнул агент «Вендиге» и продолжил с вызовом в голосе: – Можете не верить, но я был готов даром передавать секреты на Запад, лишь бы меня вытянули туда хоть когда-нибудь, через год или через десять лет, не важно! Это и есть то, чего я хотел по-настоящему! – Помолчав, он сказал на полтона спокойней: – Вот вы. Вы бывали за границей? Я имею в виду – в капстранах?

– Бывал, – наклонил голову Сеницын. – Видел тамошний блеск. И тамошнюю нищету.

– А вот я не видел! – с жаром сказал Вакарчук, разводя руками. – Но очень хочется! Очень!

– Интересно... – Игорь Елисеевич пристально глянул на двойного агента, подумал и заговорил, тщательно подбирая слова: – Вот что я вам скажу, Степан Панасович... Вы меня удивили! Я понял, что вы если и враг нам, то какой-то... не настоящий, что ли. Ведь у предателей родины, как правило, два мотива – деньги или идея. Ну или то и другое вместе. А вот ваша мотивация отдаёт наивностью. Я бы даже сказал, инфантильной наивностью. Меня это немного примиряет с содеянным вами. Немного потому, что передача совсекретных сведений о новейших боевых кораблях на Запад – это в любом случае тяжкое преступление и урон нашей обороноспособности. А что до вашей персоны... Степан Панасович, если вы будете с нами активно сотрудничать, то можно ожидать не только послаблений, но даже исполнения ваших скромных желаний.

Вакарчук вопросительно повёл бровью.

– Да-да, – доверительно признался Сеницын. – Существует и такой вариант вашей будущности, в котором вас обменяют, скажем, на нашего разведчика, вычисленного ФБР. Или, что куда лучше, переправят за рубеж как агента. Вы якобы сбежите от преследований чекистов, не забыв прихватить с собой кипу документов высшего уровня секретности. Разумеется, это будет умно сработанная деза... – Он ненадолго задумался. – Не спорю, ваше поведение за границей может быть разным. Здесь вы клятвенно пообещаете преданно служить СССР, дабы загладить свою вину, а там заложите нас, отказавшись дезинформировать американцев...

Степан коротко вздохнул, словно всхлипнул.

– Тем не менее, – надавил Сеницын, – такой вариант вполне возможен. Решать, конечно, буду не я, но от меня зависит ваша характеристика, которая ляжет на стол руководства. Вы умны, дерзки, но и осторожны, способны перевоплощаться и держать удар, сохранять хладнокровие в ответственные моменты. Сносно знаете немецкий, бегло разговариваете по-англий-

ски, а это большой плюс. Да, вы серьёзно оступились, но, если хорошо постараться, ошибку можно исправить...

– Я... – хрипло каркнул Вакарчук, прочистил горло и сказал: – Я готов.

– Вот и хорошо, – сдержанно кивнул Игорь Елисеевич. – Итак. Вчера мы изъяли закладку, предназначенную для вас, и... – Синицын чуть развёл руками, одновременно приподнимая плечи. – Хочу ознакомить вас с новым заданием ЦРУ. Вам надлежит завербовать «Миху»!

Степан встрепенулся.

– Мне как-то не верится, – медленно проговорил он, – что вы сами не вышли с «Михой» на контакт. Или... Пойдите... А-а! Так это будет ложная вербовка?

– Именно! – утвердительно кивнул Синицын. – Для начала американцы хотят убедиться, что товар, за который они готовы выложить большие деньги, реально стоит того. Цэрэушники проверяют «Миху», запрашивая, что такого интересного произойдёт в США весной, летом и осенью. Ну с этим мы сами как-нибудь... – Игорь Елисеевич потёр подбородок, соображая. – Вот что. Сегодня и завтра у нас перерыв, так сказать, на вербовку, а потом сделаете закладку – в красках опишете, как уламывали «объект», напуганный слежкой КГБ. Надо будет обязательно упомянуть, что вы помогаете «Михе» скрываться от преследований. Ну мы ещё с вами поработаем над текстом! К-хм... А-а... как вы оповещаете кураторов с Чайковки?

– Звоню курьеру по телефону, – пожал плечами Вакарчук, – и спрашиваю о чём-нибудь. Ну, скажем: «Это третья квартира?» Или сообщаю, что бабушка придет четвёртого вечером, не забудь, мол, встретить. Как правило, мне отвечают: «Вы ошиблись номером» – это значит, что информация получена. Главное, назвать числительное. Тройкой обозначается схрон на кладбище, четвёрка совсем в другом месте – на старой котельной, что за медтехникумом. Хм... Я полагаю, курьера вы уже вычислили?

– Вычислили, – небрежно кивнул Синицын, – но не трогаем. Пригодится ещё.

– Мне кажется... – начал Вакарчук неуверенно, но, вспомнив про «активное сотрудничество», твёрдо договорил: – Я почти уверен, что курьер ещё и радист – передаёт мои шифровки на коротких волнах, потом принимает ответ и делает закладку уже для меня.

– Ах вот оно что... – протянул Игорь Елисеевич. – Что ж, это многое объясняет. Да, пока не забыл, – сказал он, поднимаясь. – Мы хитрым способом оформили вам длительную командировку, так что проблем на заводе быть не должно. Работаем!

Пятница, 18 апреля 1975 года, день

Московская область, Усово

Черненко терпеть не мог, когда Брежнев попросту звал его Костей. Спору нет, такое обращение отдавало доверием и говорило о дружеской приязни Генерального, но Константина Устиновича оно коробило – глубинная крестьянская натура, не чуждая тщеславия, восставала против небрежного отношения к нему, самому влиятельному человеку в ЦК.

Черненко помотал седой головой, усмехаясь своим мыслям.

«А что? Разве неправда? – погордился он маленько, красуясь перед собой. – Как говорят англичане, свита делает короля!»

Константин Устинович мягко улыбнулся, вспоминая, с какой чваной снисходительностью относились к нему члены Политбюро и секретари ЦК КПСС. Что для них какой-то заведующий Общим отделом? Серенькая канцелярская крыска!

А Черненко и впрямь никогда не лез в первые ряды, скромно держался в стороне, ни на что не претендуя. Зачем? Он и без того был третьим человеком в стране!

Завотделом сошёл с натопанной дорожки, чтобы провести рукой по тёмной пахучей хвое. Угадал – это не ёлка, а пихта. Иголочки мя-ягие, совсем не колются... А дух какой... Шаловливый ветерок прошёлся по парку, клоня верхушки. Берёзки и даже столетняя липа взволнованно зашелестели, а Константин Устинович поправил шарфик – берёт больные лёгкие.

Стоило вернуться на аллею, как мысли потекли по старому руслу. «Бумажная душа!» – ласково звала его жена, даже не подозревая, что в шутке крылась изрядная доля правды. Всю жизнь Константин Устинович перебирал бумажки, и они, чудилось порой, наделили его своей тайной силой и властью.

Он истово верил в могущество канцелярии, в животворящие способности указов, циркуляров и директив. А ведь все документы ЦК КПСС – все! – вплоть до тех, что решали вопросы войны и мира, проходили через Общий отдел, ложась Черненко на стол. И уже по его велению, по его хотению одну бумагу придерживали, а другой давали ход, подсовывая на подпись генсеку.

Леонид Ильич был очень доволен работой завотделом – «Костя» никогда не грузил его, отбирая время. Напротив, облегчал жизнь, грамотно советуя или напоминая о важном. Вот, дескать, это решение стоит согласовать поскорее, подпишите вот здесь... И вот здесь... А следующий документ я бы рекомендовал отослать на доработку. Сырой, дескать.

Дошло до того, что даже члены Политбюро спрашивали у него, простого «орговика», аудиенции Брежнева! А как же? Ведь он единственный, кто вхож к Генеральному каждый божий день – работа у него такая. И крутились потихоньку валы тяжеловесной канцелярской машины, двигая «корабль СССР» верным курсом...

Константин Устинович досадливо поморщился, уставясь в тёмную зелень ёлок, промеж которых затесались белые стволы берёз. Что-то сбои пошли в отлаженном механизме!

Потоптавшись на аллее, он развернулся и побрёл к дому, смахивавшему на маленький уютный замок.

– Где же их носит? – нетерпеливо проворчал завотделом.

Будто дождавшись вопроса, за высокой оградой засигналили, и два офицера охраны споро открыли ворота. Во двор проехала старенькая «Чайка», блестя обильным хромом, словно худосочная дамочка, заменяющая побрякушками увядшую красоту. Следом, фырча мощными моторами¹³, скользнули «Волги» охранения и всплыл огромный приземистый «ЗИЛ».

– Ну наконец-то!

Черненко заторопился навстречу гостям. Прибыли сухонький, по-старчески суетливый Коля Тихонов, ходивший в замах у председателя Совмина, и осанистый Андрюха Кириленко, возведённый в члены Политбюро. Оба давно дружили с Константином Устиновичем, став ядром сплочённой группировки «хохлов» в ЦК. С ними таиться не надо, не сдадут.

Николай Александрович приветливо покивал, а Андрей Павлович крепко пожал руку Черненко.

– Здорово! Чего звал? – Внешняя представительность уживалась в Кириленко с простецким характером.

– Посекретничать надо, – сухо сказал Константин Устинович.

Тихонов неуверенно повернулся к дому, но хозяин покачал головой.

– Лучше прогуляемся, – насупил он брови.

– Родина слышит, Родина знает... – насмешливо пропел Кириленко.

---

¹³ Как правило, для эскорта использовались так называемые дублёрки – «Волги» ГАЗ-24–24 с 200-сильными двигателями от «Чайки».

– Вот именно. – Черненко неуклюже развернулся и пошagal по аллее, чуть косолапя. Гаврики из Общего отдела не стали бы записывать своего «КУ», но кто даст гарантию, что резвые ребяташки Андропова не поставили дачу на прослушку? Могли и мальчуганы Пельше постараться, с них станется...

Андрей Павлович догнал его, пристраиваясь сбоку, и предложил семечек, до которых был большой охотник. Заведующий Общим отделом покачал головой, тогда ладонь подставил Тихонов – Кириленко щедро отсыпал ему.

– Полезная, говорят, штука, – сказал он, непринуждённо лузгая. – Ага! И вообще...

– А что за секреты? – поинтересовался Тихонов, забегая вперёд.

Аккуратно щёлкая семечки, он складывал шелуху в ладошку, а вот Андрей Павлович, не стеснясь, сплёвывал под ноги.

– Возня непонятная началась, – заговорил Черненко, складывая руки за спиной. – Никогда бы не поверил, что Суслов с Андроповым сойдутся, а вот, спелись, голубчики! И Лёня наш... Солирует!

Выматерившись, Кириленко отряхнул руки.

– На поправку Лёнька пошёл, оклемался! – Его взгляд приобрёл остроту и колючесть. – Выходит, надурил нас Чазов, помогли-таки Генеральному... эти... как их там... Тьфу! Баби... Бар-би-тураты!

– Академик тут ни при чём! – отрезал Константин Устинович. – Лёня под этими... бар-битуратами как во сне жил. В башке муть, языком ворочал еле-еле. А теперь вона как! Взорлил!

– Не понимаю... – озабоченно нахмурил лоб Тихонов.

– А никто не понимает! – размашисто повёл рукою Черненко, выплёскивая раздражение. – Вылечили Лёню! Знать бы, кто... А нембутал он больше не принимает. Бросил!

– Вон оно что... – протянул Николай Александрович, пересыпая лузгу в чугунную урну. – А я-то думаю, чего это Леонид Ильич бойкий такой... – Он вдруг остановился, и его брови поползли вверх, рисуя на лице прозрение: – Слу-ушайте... До меня только сейчас дошло... А ведь и Михал Андреич козликом прыгает, хотя года на два меня старше!

– Вот от него всё и пошло! – весомо, тяжело выговорил Константин Устинович, останавливаясь у развилки. – Где-то в начале месяца я с Лёнькой на охоту собирался. Страсть как я это дело не люблю! – признался он. – Как ни приеду в Завидово, так обязательно простужусь! Ну а куда деваться? Я уже и сапоги достал, и всё, что полагается, как вдруг – звонок из секретариата. Надо, дескать, поприсутствовать на собрании трудящихся! С Леонидом Ильичем согласовано. И я не сразу догадался, что это Суслов меня усла! Специально, чтоб без лишних ушей потолковать с Генеральным! Уж о чём они там базарили, неизвестно, а только с той самой охоты наш бровеносец помолодел будто. Да и леший бы с ним, так я ж не знаю теперь, что мне делать – действовать по нашему плану или обождать!

Разволновавшись, Черненко смолк – пускай сердчишко уймётся. «План... – криво усмехнулся он. – Ох уж этот план...»

Когда Брежнев не в шутку занемог, все кланы в ЦК развели суету, выдвигая преемников. «Хохлы» ставили на своего – Щербицкого. В этом и состоял «наш план» – расчищать дорогу Владимиру Васильевичу, устраняя возможных конкурентов нового генсека.

Обходя клумбу кругом, Константин Устинович вспоминал фигуры, сброшенные с доски, и те, что под ударом, – это рождало приятные жимы в душе.

В прошлом году он подкинул злую байку в «Шпигель», ославив Романова, – и всё, на партийной карьере «хозяина Ленинграда» поставлен жирный чернильный крест. Шелеста с Вороновым когда ещё вывели из Политбюро, а теперешние мишени – напористый и амбициозный Подгорный да беспринципный Полянский. Им в Общем отделе уже нарисовали «менэ, тэкел, фарес»!

Пустеет шахматная доска... Вот только в ферзи выйдет вовсе не Щербицкий. Не-ет, свой ход сделает скромная чёрная пешка!

– Твою ж мать... – резко остановившись, Кириленко повернулся к Константину Устиновичу, будто по команде «кругом», и сказал со сдержанной злостью: – А вот хрен им всем в зубки!

Вынырнув из сладких дум о будущем величии, Черненко недовольно пожевал губами.

– Вот что, товарищи. – Поколебавшись, Андрей Павлович заговорил-таки: – Я понятия не имею, что там за медики Лёньку оздоровили... или знахари, или чёрт с рогами, а только всё это ерунда! Отвлекающий манёвр! Зато я точно знаю, что Андропов таскает к Суслову целую кипу бумаг из «Особой папки»¹⁴, и они там с Генеральным постоянно их штудируют да шушукуются! Вот вам и трио!

– Слуша-айте... – беспокойно завозился Тихонов. – Не тройка... Четверо их. Косыгин тоже с ними!

Черненко замер.

– А подробнее?

– Ну вы же в курсе, что скоро Пленум? – разговорился зампредсовмина. – Ну вот. Алексей Николаевич поручил мне... Ну не важно. Главное, что я случайно подглядел... в бумагах у него... так, некоторые цифры, но знать их он просто не мог! Ну там, что неурожай грозит, что всего сто сорок миллионов тонн зерна соберём... И ещё там цены были на пшеницу в Канаде и США – за второй и третий квартал! Да где ж их щас возьмёшь? Я и спросил Косыгина: откуда, мол? А он строго так: «Откуда надо! Источник проверенный и перепроверенный. Работайте!» А потом его Суслов вызвал, так он те бумаги сгрёб, по листочку пересчитал и с собой унёс.

– Квартет, выходит... Хм... – проворчал Константин Устинович, плотно смыкая губы. Он ощущал себя глубоко уязвлённым. Как так? Важные документы – и мимо его отдела? Тайком от него? Отнимая власть и влияние, умаляя величину и значимость... Да это не просто унижение, это... это... Слов нет!

– Втроём мы ничего не решим, товарищи, – покачал головой Кириленко, взглядывая на лохматые верхушки елей, выстроившихся вдоль аллеи. – Андропов всё настолько засекретил, что хрен подступишься!

– Но я всё равно попытаюсь, – твёрдо сказал Черненко и заторопился: – Так, ладно, хватит нам в шпионов играть, пошли в дом! Нюра моя пирогов напечь грозилась...

Суббота, 19 апреля 1975 года, день

Московская область, Комаровка

Из Королёва в посёлок Лесные Поляны каждый час ходит автобус. Пассажиры покидают запылённый «Икарус», разбегаясь по кирпичным пятиэтажкам, или тащат набитые сумки за окраину, в маленькую деревушку Комаровку. Там, по левую руку от моста через тихую Клязьму, виднеются два старинных деревянных дома – дачи писателя Заходера и академика Колмогорова.

---

¹⁴ Особая папка, ОП – высшая степень секретности документа в СССР.

Со вторника по пятницу академик жил в Москве, а с вечера пятницы по утро вторника – в Комаровке. Андрей Николаевич давно уж загнал себя в строгий, жёсткий режим, грамотно распорядившись величайшим сокровищем – временем. Зато выкраивались целые часы, чтобы махнуть на лыжах километров за тридцать с гаком или переплыть только что вскрывшуюся речку, среди сугробов по берегам!

Колмогоров хмыкнул и покачал головой, припомнив, как в войну распланировал свою жизнь на десятки лет вперёд. Вот, дескать, после шестидесяти – никакой науки, старый ты хрыч! Студентов будешь мучить, ученикам идеи раздаривать да школьников пестовать. Правильно, вообще-то. Математический талант увядает с возрастом. Но вот его мозг ещё кой-чего может!

Самодовольно усмехнувшись, академик углубился в редактуру «Кванта», внося правку красным карандашом.

– Андрюша... – Заглянувшая в кабинет жена держала в руках бумаги веером.

– Что, Анечка? – рассеянно ответил Колмогоров, не поднимая головы.

– Извини, пожалуйста, я тебе забыла передать... Революй Михайлович просил, чтобы ты глянул.

– Кто-кто? – спросил Андрей Николаевич, выплывая из влекущего мира урматов и дифуров.

– Суслов-младший!

– А-а! Помню, помню... И что Революй?

– Да там один юный кибернетик... Программист божьей милостью. Вот, тут описания его программ... м-м... что-то из теории информации и теории алгоритмов... – Анна Дмитриевна передала листки. Между впечатанными строчками вились математические символы, выведенные тушью. – Революй собрался их опубликовать как статьи в журналах «Кибернетика» и «Программирование». Говорит, просто чудо какое-то! Хочет, чтобы ты посмотрел...

– Угу... – Колмогоров принял бумаги. – Угу... «Схема арифметического кодирования позволяет... э-э... кодировать некоторые символы алфавита менее чем одним битом. Процесс кодирования начинается со считывания первого символа входного потока и присвоения ему интервала из начального диапазона от 0 до 1 с заданной частотой его появления...». Хм.

Вчитавшись, академик медленно, нащупывая стол, отложил правку журнала. Супруга улыбнулась, наблюдая за погружением учёного в океан абстракций, и на цыпочках вышла.

Андрей Николаевич не заметил её ухода. Он, как изголодавшийся гурман, смаковал работу «юного кибернетика». Отложив одну статью, он нетерпеливо взялся за вторую. «Словарные алгоритмы сжатия данных».

– Всё чудесатее и чудесатее... – пробормотал Колмогоров, жадно поглощая элегантные решения, блестящие ледком холодной аргументации, свежие и терпкие, как зелёное яблоко.

Оторвавшись от статьи, он толчком покинул кресло и энергично заходил по комнате, не в силах усидеть. Подойдя к окну, Андрей Николаевич выглянул в запущенный сад. Первые листочки ещё не надумали распускаться, и за прочерками тёмных ветвей переливалась блестящая на солнце Клязьма – зрачок то и дело ловил иглистые высверки. Анна копалась на клумбе, рыхля землю под однолетники – открытая форточка впускала неспешное ширканье заступа.

Академик прислушался: ветерок донёс крик петуха. «Комаровские голосят!» – зажмурился он, чуя, как нарастает внутри мучительное, почти мальчишеское нетерпение. Сквознячок потянул сильнее, вздувая занавеску – жалобно зазвякали кольца с «крокодильчиками», цепко удерживавшими тюль, а сухо шелестящие бумаги затрепетали, взмывая со стола.

Смеясь, Колмогоров схватил кружившийся лист и со вкусом зачитал вслух:

– «Алгоритм построен вокруг таблицы фраз (словаря), которая заменяет строки символов сжимаемого сообщения в коды фиксированной длины. Алгоритм начинает работу с почти пустым словарём, который содержит только одну закодированную строку – это так называемая NULL-строка...» Чистейшей логики чистейший образец!

Тот же день, позднее

Первомайский район

С утра задул промозглый ветер и нагнал целую стаю туч. Будто отара глупых косматых овец, они шарахались по небу, сбиваясь в густую хмарь. Дряблое белесоватое солнце цедило мерклый свет, пропадая за серыми, беременными дождём облаками, – и город сникал, словно вылиняв в пасмурной тени.

Порывы ветра доносили свежий запах небесной влаги, и вот уже крыши за рекой потемнели, исколотые иголочками мороси.

«Осадков на душе не ожидается...» – пришла на ум давняя фразочка.

Я набрал полную грудь сырого воздуха, выдохнул, да и побрёл домой. Непогода настолько отвечала моему внутреннему минору, что я успокоился. На меня нашло то ленивое уныние, которое обычно одолевает человека, достигшего цели. Добился своего, ага... И сил нет для восторга, и духу не хватает покорять новые высоты.

Вот только натура человечья не даёт нам длить душевное ненастье – живое начало, юное и непокорное, прорывается даже в печали, встряхивает нас, носом тычет в прекрасное и радостное. «Беспогодица не навсегда, лишь на время! Скоро развиднеется!»

Да будет так...

Ровно в три я засел около приёмника, следя за неровным биением эквалайзера. По времени – самое то. До половины третьего пропадаю в школе или на секции, позже – в Центре НТТМ. А в три часа дня образуется окошко для моих одиноких посиделок.

Я поморщился – слово «одиноких» тут же запустило ассоциации, потянуло воспоминание об Инне... Ну с этим я уже свыкся. Чуть ли не всё вокруг напоминало мне о девушке, которая была моей – и ушла. Смотрю на маму или Настю – думаю об Инке. Подхожу к холодильнику – и вспоминаю, как она тут сидела, как смотрела на меня, как тянулась губами... Нет, губами – это потом, в иные дни. Иные... Инна...

...Магнитола «Бонни» зашипела на меня, ловя помехи, и я с лёгкостью переключился, как радиоприёмник, на другую волну.

С магнитолой нам повезло – один морячок привёз из загранки. «Обмишулился», – как он сам сказал. Спутал Woppy с Sony.

«Бонни» собирают в Гонконге, на задворках Коулун-Сити, ловко и без особых угрызений копируя японскую аппаратуру. С «Нэшнл Панасоник» или с «Шарпом» не сравнить, так они и стоят, как подержанный «жигуль». А «Бонни» нам досталась почти даром – мореман отдал её за две бутылки хорошего коньяка...

Крутнувшись на вращающемся стуле, я бездумно шлёпнул пальцами по деревянной панели микро-ЭВМ. Недели две не подходил к ней. Обычно перед «Коминтерном-1» другой юзер трётся – папа любит в «Тетрис» погеймить.

Совершив полный оборот, я заботливо переложил на коврик самодельную мышь. Непривычной полусферической формы, будто опрокинутая чашка, с увесистым шаровым приводом, мыша мне очень не нравилась, но до матричных сенсоров с лазерной подсветкой ещё ох как далеко.

Папе же не с чем сравнивать, и он всякий раз довольно крикал, елозя мышью, хотя мой графический интерфейс отличала крайняя примитивность – памяти не хватало.

А клавиша какая! Помню, неделю с ней возился. Тяжёлая вышла, как кирпич, зато неубиваемая...

– Внимание! – внезапно прорезался ясный голос, копирующий Левитана. – Передаём точные координаты для полярников советской антарктической экспедиции! Один-четыре-три-пять-восемь, восемь-три-семь-пять-три, два-четыре-один-три-три...

Я прилежно строчил, записывая цифры группами по пять – это в обычае у радистов. Пять цифр – оптимальное множество, которое запоминается на слух.

Исписав полстраницы, занялся расшифровкой. Метод Вернама – кодирование с помощью случайных чисел. Если не напортачишь с шифром, фиг разгадаешь.

Так... Вычитаем, отбрасывая минус... Теперь... Где моя сжимающая таблица? Так... 5 – это С, 80 – это П, 4 – это Е...¹⁵ Ага, выходит что-то осмысленное!

«Спецгруппой ВГУ в Первомайске арестован агент американской разведки, искавший «Миху». Сейчас через него выдаётся деза о вас. По заданию резидента ЦРУ проведена вербовка «Михи», которого играл наш сотрудник. Он уже получил первое задание: провести сверханализ на тему «Что произойдёт в США в период с апреля по осень 1975 года». Ждём от вас хотя бы краткого списка будущих событий». И подпись: «Ю.В.»

– Ишь ты... – буркнул я.

Приятно, что мне чуток открывают карты. Доверяют, стало быть. Расту! Видать, какую-то операцию готовят против америкосов. Хм. События им... Ла-адно...

Звякая тяжёлой ложкой, я натянул туфли.

– Так. Миш, а ты куда? – донёсся голос Насти.

– Да в гараж сбегая! – пропыхтел я, разгибаясь.

– А-а...

Накинув куртку, выскочил за дверь. По вечерам, когда темнело, я прятался не особо, а вот днём следил за тем, чтобы не светиться, – петлял на проверочных маршрутах, шёл к гаражной двери не напрямую через двор, а заходил «с тыла», с улицы Революции, продираясь сквозь заросли одичавшей сирени. С этого ракурса меня не увидеть из окон дома, где живёт дядя Вова, а от бдительных пенсионеров, забывающих «козла» в беседке, прикроет трансформаторная будка. Незачем высматривать логово попаданца!

Вынырнув из сиреновой чащи, я скользнул бочком за угол гаражей, чуть не обтирая спиной ворота со ржавыми потёками, и шмыгнул в дядин бокс.

Печку растапливать не стал – работы на пять минут. Происшествий, интересных Штатам, не так уж и много, тем более что я не собираюсь передавать цэрэушникам секретные сведения. Обойдутся. Кину им обычную текучку из того, что почерпнул когда-то в Интернете.

Вставив лист, я заклацал на «Ундервуде», быстро набивая текст.

«29 апреля начнётся операция «Порывистый ветер» – вертолётными СН-46 и СН-53 из Сайгона на четыре корабля 7-го флота будут эвакуированы граждане США (1737 человек), а также пять с половиной тысяч вьетнамцев, опасаящихся мести Вьетконга. Операция успешно

---

¹⁵ Как правило, самые употребляемые семь букв русского алфавита (их запоминают по фразе А И ТЕСНО) занимают первую строку сжимающей таблицы и получают обозначения от 1 до 7. Остальные буквы и знаки обозначаются двухзначными числами.

завершится к утру 30 апреля – за несколько часов до того, как северовьетнамские войска займут город.

17 мая на конкурсе красоты «Мисс США» в Ниагара-Фолс победу одержит Саммер Бартоломью.

3 июня Пеле подпишет контракт с нью-йоркским клубом «Космос».

10 июня для спасения Нью-Йорка от банкротства будет создана финансовая организация «Мьюнисипл ассистенс корп.»

24 июня в аэропорту имени Кеннеди потерпит катастрофу «Боинг-727» компании «Истерн эйр-лайнз». Погибнут 113 пассажиров из 124.

26 июня случится перестрелка в индейской резервации Пайн-Ридж, штат Южная Дакота. Снайпер Джеральд Хилл застрелит индейца Джозефа Стантца, но никакого расследования не будет. А вот когда неизвестные убьют двух агентов ФБР, Уильямса и Коулера, власти сфабрикуют дело против краснокожего Леонарда Пелтиера, посадив его на два пожизненных срока.

15 июля произойдёт стыковка на орбите космических кораблей «Союз-19» и «Аполлон-18».

5 сентября Линнет Фромме по прозвищу Пискля совершит неудачное покушение на президента Форда. На ещё одну попытку решится Сейра Джейн Мур – 22 сентября».

Мягкий «ЛАЗ» вёз меня, покачивая, по Одесской и незаметно вынес за город. Я малость изменил способ доставки – сброшу письмо не в Первомайске, а в десяти километрах от райцентра, в Концепполе.

За окнами, куда хватал глаз, расстилалась степь. Бурая и унылая ранней весной, сейчас она сочно зеленела, а на этом приятном для глаз фоне выделялись цветные пятна – жёлтых и огненно-красных тюльпанов, лиловых и беловато-сиреневых ирисов.

Немного погодя степную плоскость взрыли невысокие курганы – на них бдительно вращались решетчатые локаторы ПВО. Вокруг Первомайска окопались ракетчики из 46-й дивизии РВСН, а в шахтах, как местные тарантулы, таятся «Скальпели» с ядерными боеголовками. Дадут приказ – и пол-Европы затянут смертные пелены радиоактивного пепла.

Я откинулся на спинку. Поскучал, поглядел в окно, а потом вспомнил о записке. Сегодня утром я вышел из дому пораньше, чтобы забежать в парк – по выходным Маринка могла оставить мне послание. Нырнул в подземный переход, вынырнул у Дворца пионеров, спустился в парк. Проверившись, не спеша миновал ротонду, косясь на толстые белёные колонны. Ага, ноль нарисован! Это значит: «Вам письмо!».

Опираясь о ствол старого кручёного осокоря, я сделал вид, что тяну сползший носок, а сам пошарил в небольшом дупле. Есть записочка!

...Автобус качало да потряхивало, и короткий текст на половинке листка в клеточку прыгал перед глазами: «Завтра я уезжаю. Вероятно, надолго. Я буду очень скучать – правда. Сама поражаюсь нашим отношениям. Другой бы на твоём месте давно бы порвал со мной, вот честно! Я ведь прекрасно понимаю, чувствую, чего хочешь ты, – и с трудом признаюсь себе в своих желаниях. Каких – не скажу. Только не думай, что это я тебя так утешаю – я утешаю себя. До свидания, надеюсь, скорого».

Сложив записку, бережно спрятал её, чувствуя, что на душе малость полегчало. А впереди, за кисточками пирамидальных тополей, за мостом через мелкую Кодыму понемногу вырастала огромная серая трапеция – градирня сахарного завода, обвешанная листьями шифера. Над нею курился пар.

Концеполь¹⁶.

Задерживаться я тут не собирался. Выйдя на малоэтажной Комсомольской, прогулялся по улице, соображая. Возможно, идея сбросить письмо в пригороде наивна. Как-то не верится, что кагэбэшники упустят из виду такой вариант. А в предместье даже легче организовать наблюдение, тут же всего три-четыре почтовых ящика! Вон, кстати, один из них – на углу магазина «Продукты».

Зато сколько их, сёл и посёлочков, вокруг Первомайска! Каменный Мост, Кривое Озеро, Лысая Гора, Мигея, Синюхин Брод... Оперов у вас не хватит, товарищ Андропов, курсантов придётся мобилизовывать! А третье письмо вообще отправлю из Помошной – туда целый час пилить на автобусе...

Не вертя головой, я целенаправленно зашагал к продуктовому и потянул на себя тяжёлую дверь. Дефицитом на полках и не пахло, но шопинг – хорошее прикрытие.

– Триста грамм масла, пожалуйста, – вежливо обратился я к грудастой розовощёкой продавщице.

Брякая серёжками, та поднатужилась, отхватив от здорового изжелта-белого кубка скромный пластик, ловко завернула его в хрустящую вощёную бумагу и бросила на весы.

– С вас рубль пять копеек, – выщелкала на счётах пышная работница торговли.

Кассовый аппарат залязгал, застрекотал – и выбил чек. Лишь теперь я внимательно осмотрел подходы к магазину, незаметный за двойными стёклами витрин. Всё тихо, спокойно – молодые мамы степенно катят коляски, две бабушки зацепились языками у доски объявлений, тараторят о своём, старушечьем. Шустрый пацанчик метнулся на велике – наверняка уроки прогуливает, мелочь.

На той стороне улицы, под деревьями, крепко сидит киоск «Союзпечати», но он не годится под наблюдательный пункт – прозрачен, как аквариум. Машин рядом тоже не видать, кроме бледно-зелёного «Запорожца». Никто не занимает лавочку, углублённо изучая «Комсомолку» или «Советский спорт»...

Я принялся. Кремово-жёлтый брусочек масла издавал дивный сливочный аромат. Отрезать бы сейчас ха-ароший ломоть батона да намазать щедро, не жалея! И с чайком...

Миновав гулкий тамбур, я сглотнул, чуя, как сдувается в утробе голодная пустота. Скорей бы до дому!

Словно исполняя заветное желание, подрулил рейсовый «пазик». Лучше не бывает...

Я непринуждённо опустил письмо в почтовый ящик, пока не разошлась толпа пассажиров, прикрывших меня, и сильно вздрогнул.

– Пи-исьма, письма лично на почту ношу, словно я роман с продолженьем пишу-у! – заблажили «Песняры» из окна напротив. – Зна-аю, знаю точно, где мой адресат – в доме, где резной палисад!

Плюнув, я сел в автобус, а с улицы всё несло: «Где же моя черноглазая, где? В Вологде, Вологде, Вологде-где-где!».

Народ бойко заполнял салон, и я инстинктивно оценивал каждого, прикидывая, не по мою ли душу он или она. Глупо, конечно: как различить в толпе оперативника КГБ? По длинному чёрному плащу и шляпе, надвинутой на лоб?

Жаль, что «Росита» уехала, теперь некому будет рисовать на колонне ротонды успокоительные звёздочки или тревожные крестики. И нолика больше не увижу...

Сунув руку в карман, я погладил записку от Марины, словно оберег.

---

¹⁶ Местечко под Первомайском у впадения Кодымы в Южный Буг, основанное в 1622 году. С 1634-го укреплено фортецией против татар. Бывшее имение Станислава Концепольского, великого коронного гетмана, каштеляна Краковского и пр., и пр., и пр. Название связано с выражением «конец польски» из старинных межевых записей – именно здесь в XVII веке проходила крайняя граница Речи Посполитой.

«Зато мне дали обещание! – мелькнула бодрая мысль. – Так, глядишь, и мечты оживать станут, желания всякие заведутся... Как это я писал... в десятом, кажется: «Но бьётся живчик между жил: Я жив, я жив, я жив, я жив!».

Может, и так...

С завизгом сложив дверную гармошку, «пазик» пофырчал и тронулся.

Вторник, 22 апреля 1975 года, утро

Первомайск, улица Чкалова

– В день 105-й годовщины со дня рождения Владимира Ильича Ленина, – гулко разносил громкоговоритель с балкона Дома Советов, – строители Байкало-Амурской магистрали завершили возведение временного совмещённого моста через реку Буря длиной шестьсот двадцать два метра и автодорожного моста через реку Гилюй...

Проехавший автобус перебил диктора. Так я и не узнал, насколько велики оказались пролёты гилюйского моста, – металлический голос сменился бравурным маршем. Впрочем, радостный настрой держался и без музыки – тихое ликование охватывало улицы, замата дома красным с золотом, заряжая людей весёлой бесшабашностью.

Меня то и дело обгоняла нарядная детвора. Тёмный низ, белый верх – и пламенеющая шейная косынка. Пионер – всем ребятам пример!

Чем ближе к школе, тем чаще разгорались огоньки пионерских галстуков – ребятня поспешала, чуя празднество. Мимо прошла девочка в короткой синей юбочке и белоснежной накрахмаленной блузке, в гольфах и чёрных туфлях. Её тугие косички свернулись крендельками и распушились бантами, подрагивавшими от волнения. Училась она, скорее всего, в четвёртом классе, и сегодня, в день рождения Ленина, её торжественно примут в пионеры.

Девочка бережно несла выглаженный галстук на сгибе руки, красно-оранжевый лоскут ацетатного шёлка, и жутко переживала. А вдруг её не возьмут? Все в классе станут пионерами, а она так и будет ходить с октябрятским значком...

В школе наигрывала музыка, запущенная радиоузлом. Детские голоса хором выпевали «Картошку» и «Взвейтесь кострами...», перемежая пафос народными хитами вроде песенки Крокодила Гены. Но вот грянул требовательный звонок, и радио испуганно выключилось.

– Миша!

За спиной послышался торопливый цокот каблучков. Меня догоняла Светланка. Я узнал её по «модельной» причёске – Маша Шевелёва собирала волосы в хвост без причуд, Света же постриглась с тем умыслом, чтобы длинные пряди выгодно обрамляли её суживающееся к заострённому подбородку лицо. Впрочем, вовсе не стрижка завладела моим вниманием, а короткое школьное платье, оголявшее ноги до середины стройных бёдер.

– Опаздываем? – игриво спросила Светлана, поправляя кружевной белый фартучек. Держа портфель перед собой, она хлопала по нему гладкими коленками.

– Чуть-чуть, – оправдался я, беззастенчиво любуясь подругой.

Какое счастье, что мини из моды не выходит!

– Миш, ты совсем перестал улыбаться. – Шевелёва мотнула головой, отбрасывая чёлку набок.

– Разве? – вяло удивился я. – Не обращай внимания, Светланка, просто настроение – ниже нуля. Но тебе я всегда рад, ты же знаешь.

– Знаю, – лукаво улыбнулась девушка. – Я даже заметила, куда именно ты смотришь!

– Тянет... – отвечаю со вздохом.

Света довольно блеснула глазами, но тут же щёчки её залились румянцем.

– Извини, говорю что попало, – неловко пробормотала она. – Заигрываю будто!
– А мне это очень нравится! – с деланным энтузиазмом развиваю тему. – Только без «будто»!

Шевелёва зарделась ещё пуше, кончиками пальцев оттягивая вниз подол платья. Справляясь со смущением, она выдала свою прибаутку, которую я не слышал с восьмого класса:

– Вельми понеже! – и вздохнула, изображая кротость: – Аз есмь. Житие мое...

– Паки, паки... – мигом подхватил я. – Иже херувимы!¹⁷

Светлана весело рассмеялась, а вот у меня не вышло – квёлый дух не давал даже наметить улыбку.

– Ты так и не говорил с Инной? – поинтересовалась Шевелёва, по-женски жалостливо глядя меня по рукаву.

– Пробовал, – пожал я плечами. – Без толку.

– Вот до чего же вредная! – с досадой воскликнула Света.

– Да нет, – заступился я неохотно, – Инна не вредная. Просто... Понимаешь, она живёт как бы в своём собственном мире, немного нездешнем. Её никогда не обманывали по-крупному и тем более не предавали, любили только. Инка не закалена опытом неудач, понимаешь? И поэтому очень ранима.

– Да дура она, вот и всё, – неодобрительно насупилась Светлана.

– Не преувеличивай, – сказал бесцветно. – Ей и самой сейчас больно, погано, противно...

А-а! – махнул я рукой. – Пошли, а то и правда опоздаем.

Света шибче зацокала каблучками по опустевшей рекреации.

– А вы почему ещё не на уроке? – догнал нас голос директора школы, одновременно грозный и всепрощающий. Недаром в школе его прозывали по-доброму – Полосатычем.

– Здравсте, Пал Степаныч! – сказали мы со Светланой дуэтом и шмыгнули в класс.

После четвертого урока объявили классный час. На перемене мои соученики сначала изобразили табун, несущийся в столовую, а затем, сытые и довольные, степенно воротились. Девятый «А» собрался почти весь, только Сосна с Дэнчиком ушли по-английски. Впрочем, этого хватило, чтобы Аллочка обиженно надула губки.

Я вольготно раскинулся за партой – одиночество имеет свои бонусы. Неожиданно мне приспичило увидеть Инну, но не оборачиваться же, чтобы посмотреть!

Крутанул головой, встречаясь с понимающим взглядом Риты Сулимы. Глаза её тут же залучились ехидством.

– Потерял что? – осведомилась она с деланным сочувствием.

– Ещё нет, – буркнул я, лихорадочно ища подходящую тему. – М-м... А ты чего в Центр не заходишь?

– А что мне там делать, Гарин? – насмешливо пропела Рита и зловредно, словно мстя за 8 Марта, ввернула: – Тебя соблазнять?

Девушка грубовато хохотнула. Мне всегда казалось, что она нарочно издаёт такие вот смешки, лишь бы опроститься, подпустить толику вульгарности в свой образ роковой, всё издававшей красоты.

– Ну вот, опять по фамилии, – скорбно вздохнул я. – За что хоть в немилоستي?

– Сам догадайся! – отрезала Сулима.

---

¹⁷ Выражения режиссёра Якина из гайдаевской комедии «Иван Васильевич меняет профессию» несут мало смысла. «Вельми понеже» в переводе со старорусского означает «Весьма потому что», а «Паки, паки... Иже херувимы» переводится как «Опять, опять... Которые херувимы».

Я медленно развернулся, скользнув взглядом по Дворской. Вытягивая точёную шейку, Инна рылась в портфеле.

«Что за жизнь, – постно подумал я, – и молодой совсем, и здоровый, а радости – ноль целых хрен десятых...»

Саня Заседателей, наш записной активист, развёл суету с вывешиванием большого красочного плаката и торжественно встретил в дверях «гостей на час» – упитанного благодушного пролетария на пенсии и какого-то по счёту секретаря райкома партии, то ли второго, то ли третьего. Функционер выглядел озабоченным и нервным, он всё время поправлял большие чёрные очки и вертел в руках кожаную папку.

«Похож на молодого учителя, едва закончившего пединститут», – прикинул я безучастно.

– Сегодня с нами представитель райкома КПСС Владимир Кириллович Пивоваров, – гордо объявил Заседателей, – и заслуженный рабочий завода имени 25 октября Семён Минович Петренко!

Все с готовностью похлопали.

Циля Наумовна, как всегда, притулилась на последней парте, а Безродная вышла к доске как на сцену и с чувством прочла стихи о Ленине. Класс занимался своими делами, втихушку играл в «морской бой», а голос комсорга взволнованно звенел:

Трудясь, мы знаем: Ленин с нами!
И мы отважно под огнём
Несём в боях сквозь дым и пламя
Венчанное победой знамя
С портретом Ленина на нём!

Я поморщился. Неужели нельзя было найти более одарённого стихотворца? Дутый, натушный пафос!

– Очень печально, – Пивоваров сверкнул на меня очками, – что не все согласны с точкой зрения комсорга на роль Владимира Ильича в нашей истории... Или я не прав?

Аллочка чуть испуганно глянула в мою сторону, а классная, похоже, готова была выступить на защиту – видать, и её покорили враждебные нотки в секретарском голосе. Спасибо, Циля Наумовна, отгавкаюсь как-нибудь...

– Вы не правы уже в самом посыле, Владимир Кириллович, – холодно ответил я. – Алла прекрасно читает стихи, но выразила мнение не лучшего поэта. Вторая ваша ошибка – в одностороннем представлении о Ленине. Для вас он прежде всего – историческая личность! А ведь Ильич ещё и человек, такой же, как мы с вами, со своими тревогами, суждениями, ценностями. Если бы не болезнь, Ленин вполне мог бы дожить до полёта Гагарина в космос! Или я не прав?

Пивоваров покраснел, а вот Петренко, деливший с ним парту, заёрзал, кашлянул и заговорил неожиданно густым басом:

– Хорошо сказал, мальчик, хоть и дерзко! Хе-хе... Нынче мне за семьдесят, а когда я был в твоём возрасте, то видел Владимира Ильича на митинге. Вот так, как тебя сейчас, рядом почти! И видел, и слышал! – Тут он прищурился почти по-ленински, с насмешливой хитринкой в глазах: – А вот какая твоя точка зрения на... как там... на роль в истории? Ильича, я имею в виду. А?

– Выходи, Миша! – Безродная посмотрела на меня с весёлой приязнью. – Изложишь нам своё мнение!

Я пожал плечами и вышел к доске. Класс оживлённо задвигался, а третий секретарь вцепился в свою папку, будто боясь, что её вот-вот отнимут.

Спасибо Инне, настроение – чуть выше нуля. Потому и зажатость еле отразилась на моём лице – так сухая тряпка стирает с доски задание на дом, оставляя меловые тени буквочек. Обведя класс глазами, я длинно вдохнул воздух и неторопливо начал:

– В школе учат, что Ленин – это вождь пролетариата, что он создал первое в мире государство рабочих и крестьян. Всё верно, но это уже готовые ответы. А вам приходило когда-нибудь в голову, что было бы с нашей страной без Ленина?

Весь класс смотрел на меня, кроме Инны – девушка упорно отворачивалась к окну. Уголки её губ поникли, а крупная прядь пшеничных волос апатично спадала на щеку, чуть закрывая лоб. Зато незащищённая стройная шейка вся на виду, и за лилейным кружевом воротничка прятался слабый розовый след поцелуя.

От прилива горькой нежности мне сдавило горло.

– Роль Владимира Ильича в нашей истории... – хрипловато проговорил я, унимая волнение. – Мы... Мы часто повторяем: Великий Октябрь, Великий Октябрь... А почему он великий? Давайте вспоминайте! Мы же все проходили Февральскую революцию! Только никакая это была не революция и даже не переворот, а предательство. Генерал Алексеев выбил у царя отречение, и кто он после этого? Это же всё равно что на пассажирском лайнере поднять бунт, а капитана – за борт!

– Да царь сам виноват! – громко сказал Андрей Жуков, и на него стали оглядываться. – А чего? Слабаком был Николашка! На фиг такой капитан нужен...

По классу перекатился смех.

– Всё правильно, – миролюбиво согласился я. – Но хоть кто-то должен же у штурвала стоять, да ещё во время войны? Сам подумай – учинить разброд под натиском врага! И вы посмотрите, какое время выбрали для переворота! Ведь летом семнадцатого русские войска готовились перейти в наступление. Тысячи складов были забиты оружием, боеприпасами... Даже новые шинели с «разговорами» нашили, шлемы-«богатырки» наготовили – те самые, которые позже прозвали будёновками. Царская армия могла бы уже к зиме расколошматить немчуру и пройтись победным маршем по Берлину, а тут измена! Здравьете, приехали!

Третий секретарь беспокойно заёрзал, видимо, сравнивая мои суждения с «Историей КПСС», и глядел на меня по-прежнему настороженно, как Ленин на буржуазию.

– А шо за «разговоры»? – завертелся Куракин.

– А это хлястики такие, нагрудные, – со знанием дела объяснила Маша. – Ту шинель художник Васнецов придумал, чтоб была похожа на стрелецкий кафтан.

– А-а...

– Бэ-э! – Шевелёва озорно показала язык.

Циля Наумовна строго постучала карандашом по парте, утихомиривая шалунишек.

– До власти дорвались болтуны и сколотили Временное правительство, – продолжил я, вспоминая демократический угар девяносто первого. – Для начала «министры-капиталисты» упразднили погоны, а заодно и дисциплину в армии. Теперь нижние чины не службу несли, а семечки лузгали на митингах. Командир кричит: «В атаку!», а солдатня ему: «Тебе надо, ваш-бродь, ты и шуруй! А нам и в окопах хорошо».

Одноклассники засмеялись.

– Пошли самосуды над офицерами, братания с немцами, а сотни тысяч дезертиров-крестьян маршировали до дому – землю делить... – Я поймал себя на том, что ищу в классе серьёзные глаза тех, кому не смешно. – Ну и прихватывали с собой винтовки, пулемёты, даже пушки. Так вот и начиналась Гражданская война...

– Я не понял, – озадачился Почтарь, горбясь над партой, – они что, эти «временные», совсем, что ли, дурные были?

– Хуже, Паха! – Я безнадёжно махнул рукой. – Это были самые настоящие вредители. Они ж не только армию и флот разложили, а и полицию разогнали, и жандармов, и даже суды!

Зато уголовников выпустили из тюрем как жертв царизма! – Я немного помолчал, словно делая перерыв на осмысление былого. – На заводах и фабриках – разруха, на транспорте развал, деньги обесценились... По всей России хаос и анархия... Вот тогда-то и грянула Великая Октябрьская социалистическая революция! Большевики взяли власть в свои руки и стали наводить порядок...

Я «пощупал» Пивоварова – третий секретарь малость успокоился насчёт моей диссидентской сущности.

– А теперь представим, что случилось бы, не будь компартии и её вождя. По-моему, тут без вариантов! Сценарий один: Россия быстренько распадается на уделы, а в восемнадцатом году к нам заявляются незванные «спасители» из Антанты...

– А чё это в восемнадцатом? – выкрикнул с места Изя. Альбина на него зашикала, но он-таки договорил, вжимая голову в плечи и жмурясь, как нашкодивший кот: – Чё не раньше?

– Так ведь война же шла! – изобразил я кроткое недоумение. – Германия и сама была не прочь «расширить жизненное пространство» за наш счёт. А вот как сдулись немцы, так Англия, Америка, Франция с Японией и начали бы отхватывать от русского пирога самые смачные куски – Север, Украину, Кавказ, Дальний Восток...

– А Япония тут при чём? – неподдельно удивился Динавицер.

– Ой, Изя! – не выдержала Аля. – Историю надо было учить!

– А нам такого не задавали! – вывернулся Изя.

– Мон шер, самураи тоже входили в Антанту, – подсказал Жека.

– Вот! – обличающе сказала Ефимова. – Он знает, а ты почему-то не знаешь!

– Да ладно... – заныл Изя обиженно.

Циля Наумовна грозно застучала карандашом. Динавицер сел в позу примерного ученика и поднял руку.

– И чё? Захапали бы весь наш Дальний Восток?

– А кто бы им помешал? Развалили бы наше отечество на бесправные колонии, протектораты и подмандатные территории! – Выдержав паузу, я договорил: – А Ленин собрал их в «великий, могучий Советский Союз». Вот такая была роль у Ильича. Можно хвалить его, можно ругать, но без него и о самой «нашей истории» не пришлось бы говорить, мы бы потеряли её вместе с державой. А теперь вот учим «Историю СССР»!

Ненадолго зависла тишина. Петренко крикнул, первым захлопав в ладоши, – и я сорвал бурные аплодисменты. Только Пивоваров рукоплескал как-то неуверенно, а Циля Наумовна то хлопала, то грозила мне пальцем, чтоб не пугал так райком.

– Молодец, парень! – заценил старый рабочий и крепко пожал мне руку, привставая. – Всё как полагается, как надо! А ты не куксись, Кирилыч. Видал, какая смена растёт?

– Вида-ал... – с сомнением протянул секретарь.

– Что? – ехидно прищурился Петренко. – Не всё уложилось в параграфы? Так это потому, что пацан сам думает, а не чешет по писаному да согласованному!

Забренчал звонок, и классная повысила голос:

– Не расходимся! Все на торжественную линейку!

– На улицу, Циля Наумовна? – дисциплинированно спросил Заседателей.

– В актовый зал! Товарищи, вы с нами?

– А как же! – хмыкнул пролетарий, залихватски подкручивая пышные усы.

И девятый «А» повалил в актовый. Инна продефилировала рядом, но даже не посмотрела в мою сторону. А я не огорчился. Привыкаю, что ли?

– Миша, подожди!

Меня догнали близняшки – и решительно взяли под руки.

– Миша, ты был молодец! – серьёзно похвалила меня Светлана.

– Почему – был? И остался! – рассудила Маша.

– Балда! Я имею в виду, что этого деятеля уделал, райкомовского.
– Сама балда!
– Миша, чего она обзывается?
– Вот наглая! Вот наглая! – возмутилась Маша. – Первая же начала!
– Девушки, не ссорьтесь! – сказал я внушительно. – Какой пример вы подаёте подрастающему поколению?
– Так именно! – припечатала Света, задирая носик.
А подрастающее поколение робко просачивалось в актёрский зал – уже в пилотках, но ещё без галстуков. Тут на меня налетела старшая пионервожатая и затараторила со скоростью пулемёта.
– Понял? – выпалила она одиночным и ускакала.
– Ага, – сказал я вдогонку и обратился к двойняшкам: – Чего она хотела? Чтобы я тут стоял? Или где?
– Чтобы ты принимал в пионеры! – растолковала Маша, задирая соболиные бровки. – Как комсомолец, спортсмен, отличник...
– ...и просто красивый парень! – подхватила Света.
Девичий смех радостно переплёлся, сводя сестричек в трогательном консенсусе.

– ...Я, – взвился высокий звонкий голос, – вступая в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить свою Родину, жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия, всегда выполнять законы пионеров Советского Союза!
Ряд мелких ответил вразнобой:
– Клянёмся!
Я шагнул навстречу той самой девочке, что обогнала меня на улице, и спросил её, лишь бы убавила нервную дрожь:
– Как тебя зовут?
– Ин-на... – выдохнула юная пионерка. Пятна нервного румянца на её щеках разгорелись ещё пуще.
Ободряюще подмигнув, я аккуратно повязал ей галстук и салютовал:
– Будь готова!
– Всегда готова! – счастливо воскликнула девочка Инна.

Глава 3

Среда, 23 апреля 1975 года, день

Москва, Старая площадь

Михаил Андреевич с сожалением убрал стопочку исписанных листов в красную папку и спрятал её в недрах огромного письменного стола.

– Присаживайтесь, товарищи, – спокойно сказал он, слегка окая.

Андропов вольно устроился за длинным столом для заседаний, застеленным тёмно-бордовой скатертью, а Громыко, подумав, махнул рукой.

– Постою, похожу, – проговорил он глуховатым, немного деревянным голосом. – Насиделся уже.

Похлопав ладонями по спинке стула, министр иностранных дел оттолкнулся от неё и медленно зашагал к окну, бесшумно уминая красную дорожку-«кремлёвку».

Суслов усмехнулся, глядя ему в спину, – прямо держится Андрей Андреевич. Даже вечную свою мрачность и выражение недовольства на холёном лице снял, как маску Фантомас. Невозмутим и сдержан на приятный англосакский манер, а ведь растерялся же! Но виду не кажется – корректный «Мистер Нет»...

«Ничего, потянем паузу, сам же первый не выдержишь!»

Хозяин кабинета перевёл взгляд на председателя КГБ. Юрий Владимирович достал из дипломата пачку бумаг, штемпелёванных грозными печатями, и сосредоточенно просматривал их, смешно оттопыривая нижнюю губу.

«А Юра быстро смекнул, что к чему, – подумал Суслов. – Понял, что в новой конфигурации занимает далеко не последнее место, и внутренне успокоился. Не расслабился, нет, но пропала былая настороженность, былая опаска...»

– Михаил Андреевич, – заговорил Громыко с приятным белорусским акцентом, – не проясните ли два момента?

– Хоть три, – улыбнулся главный идеолог, получая маленькое удовольствие от того, что верно «вычислил» министра.

– Куда вы так гоните с апрельским Пленумом? – сдержанно спросил Андрей Андреевич. – Косыгин ознакомил меня с набросками экономической программы... э-э... перестройки. Со многим я согласен, но зачем такая спешка? Оправдана ли она? Это во-первых. А во-вторых... При чём тут я? Зачем я здесь? Можете вы мне это объяснить?

– Могу, – обронил Суслов, стирая улыбку. – Всё дело в том, что... Юра, может быть, у тебя лучше получится?

Андропов, давний приятель Громыко, с готовностью кивнул, откладывая бумаги.

– В прошлом году, Андрей Андреевич, мы вышли на одного очень необычного человека, – начал он неторопливо, опуская на столешницу сцепленные ладони. – Нашего человека, советского. Он молод, но знает очень много. Причём не только о том, что происходит в данное время, но и о будущих событиях... Не надо морщиться, Андрей Андреевич, это не выдумки для экзальтированных девиц! – Убавив силу голоса, председатель КГБ сжато посвятил главу МИДа в подробности операций «Хилер» и «Ностромо».

Зависло минутное молчание. Министр иностранных дел пытался усвоить поразительную информацию – не поверить, так хоть свыкнуться с нею.

– Пойдите... – тянул он в ошеломлении, вжимая ладонь в гладко выбритую щеку, чтобы унять лёгкий тик. – Пойдите... Но... Если это всё правда... Нет, нет, я верю, верю! Но мы же тогда... Получается, что мы можем как бы поверку нашей политики вести? Узнаём о последствиях – и корректируем курс!

– В точку! – припечатал Сулов.

– Это... это... – не найдя слов, Андрей Андреевич ослабил галстук и вымученно улыбнулся. – Простите, товарищи, не могу вот так вот сразу поверить в этого вашего Нострадамуса!

– На сегодняшний день ясно одно, – Андропов с силой потёр сцепленные ладони, – предиктор вовсе не предсказывает будущее, как Нострадамус, – он его *знает*. Все, я подчёркиваю, все факты, сообщённые им, подтвердились в точности, на сто процентов. Вот, к примеру, сведения о «красных кхмерах» – это камбоджийские партизаны, взявшие на вооружение не только автоматы Калашникова, но и учение Мао. «Ностромо» сообщал ещё в феврале, что «красные кхмеры» под предводительством Пол Пота, «Брата № 1», войдут семнадцатого апреля в Пномпень и захватят власть в стране. После чего начнутся чистки, то есть массовые убийства. Интеллигенцию и просто горожан сгонят в деревни, где станут морить голодом и каторжным трудом, а то и просто забивать палками да мотыгами, давить бульдозерами, топить в прудах с крокодилами. Обобществлённых детей соберут в концлагеря и... В общем, мерзость зашкаливает, а в итоге – три миллиона смертей!

Громыко переменялся в лице.

– Да, – неохотно выговорил он, – до меня доходили слухи о зверствах в джунглях Камбоджи, но таких чудовищных масштабов я себе даже не представлял.

Юрий Владимирович кивнул, поправляя очки.

– Разумеется, мы не могли пройти мимо такого непотребства и договорились о взаимодействии с вьетнамскими товарищами, – продолжил он прежним размеренным тоном, словно пряча эмоции. – Для зачина перебросили большую партию старых танков и самолётов в порт Хайфона, а вьетнамцы направили в соседнюю Камбоджу 304-ю и 325-ю пехотные дивизии 2-го армейского корпуса, усиленные бронетанковыми частями. Убедить официальный Ханой было не сложно – «красные кхмеры» постоянно переходили границу и вырезали население вьетнамских деревушек. У них даже девиз был хвастливый: «Готовы воевать с Вьетнамом 700 лет!» Ну вот и повоевали! Вьетнамская народная армия отрезала дорогу на Пномпень и окружила отряды «красных кхмеров». Полпотовцы угодили в настоящий «котёл», их там и бомбили, и обстреливали из «Градов»... Многим удалось уйти, но товарищ Ван Тиен Зунг заверил нас, что сразу после взятия Сайгона вьетнамцы займут Камбоджу и устроят чистку уже самим тамошним фашистам! Ждать осталось недолго – по информации от «Ностромо», война во Вьетнаме закончится тридцатого апреля, – председатель КГБ со вкусом договорил: – Около полудня танк Т-54Б с бортовым номером 879 протаранит чугунные ворота президентского Дворца Независимости и замрёт на лужайке... – Он хищно ухмыльнулся, размашисто хлопая ладонями по столу: – Победа!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.